

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЮСТИЦИИ
(РПА Минюста России)»**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ЧАСТНОГО ПРАВА, ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО
ПРОИЗВОДСТВА И СПОСОБОВ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ**

*Материалы III всероссийской научно-практической
конференции 1 декабря 2017 года*

**Санкт-Петербург
2017**

УДК 340

ББК 67

Редакционная коллегия:

Рыбин Данил Вячеславович — директор филиала, заведующий кафедрой конституционного и международного права Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат исторических наук, доцент (председатель)

Трофимов Егор Викторович — заместитель директора по научной работе, заведующий кафедрой административного и финансового права Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, доцент (ответственный редактор)

Волков Дмитрий Владимирович — заведующий кафедрой предпринимательского права Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент

Свиридонова Татьяна Ивановна — заведующая кафедрой гражданского права Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент

Сухарева Анна Михайловна — научный сотрудник отдела научных исследований Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России)

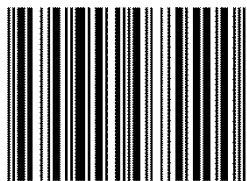
С 56 **Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты: материалы III всероссийской научно-практической конференции 1 декабря 2017 года / отв. ред. Е. В. Трофимов. — СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2017. — 144 с.**

В настоящем сборнике представлены научные доклады, посвященные современным тенденциям развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты, которые были обсуждены на III всероссийской научно-практической конференции 1 декабря 2017 года.

Издание предназначено для научно-педагогических работников, аспирантов и студентов юридических вузов, а также всех интересующихся проблемами права.

ISBN 978-5-6040755-0-0

ISBN 978-5-6040755-0-0



9 785604 075500

© ВГУЮ (РПА Минюста России), 2017

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Архипова М. В., Редькина Е. А.</i> К вопросу о культурном наследии как объекте уголовно-правовой охраны	5
<i>Хорошева Н. В.</i> Правовые последствия различной квалификации договора технологического присоединения к электрическим сетям	9
<i>Корнелик Ф. И.</i> Экспертиза в гражданском процессе в современном российском праве	15
<i>Волков Д. В.</i> Институт морального вреда в российском гражданском праве: становление и развитие	21
<i>Аверьянов А. В.</i> Безвозмездное пользование имуществом	29
<i>Савельева М. В.</i> Проблемы злоупотребления в сфере интеллектуальных прав	33
<i>Сергеева А. А.</i> Лоббирование: узаконить нельзя запретить ...	37
<i>Алексеева Е. В.</i> Понятие и сущность договора франчайзинга.....	42
<i>Максимов В. А.</i> Работы и их результат как объекты гражданских прав	50
<i>Порохов М. Ю.</i> К вопросу оспаривания подозрительных сделок в рамках дела о банкротстве	58
<i>Дорофеева С. Н.</i> Исполнение требований неимущественного характера на примере административного приостановления деятельности должника.....	64
<i>Измайлов В. В.</i> Правовые последствия прекращения брака...71	
<i>Желонкин С. С.</i> Реверсивные подходы в практике реализации преимущественного права покупки доли в праве общей собственности	79
<i>Пахаруков А. А.</i> Соотношение прекращения юридического лица со смежными категориями	85
<i>Качалов П. Н., Айметова Ю. И.</i> К вопросу о наделении заместителей начальников полиции полномочиями по рассмотрению дел об административных правонарушениях	90
<i>Нахова Е. А.</i> Признанные обстоятельства в цивилистическом судопроизводстве	94

<i>Качалов П. Н., Коньков Р. А.</i> О некоторых изменениях КоАП РФ, касающихся расширения отдельных полномочий судебных приставов.....	98
<i>Свиридонова Т. И.</i> Имущественные отношения супругов в современной России	102
<i>Маринова С. Ш.</i> Некоторые проблемные аспекты конституционного развития.....	109
<i>Пушкарев С. В., Гусева Н. В.</i> Некоторые проблемы представительства на примере фальсификации договора цессии и доверенности.....	113
<i>Раянова Э. Т.</i> Мировое соглашение в гражданском и арбитражном процессе	116
<i>Пальчикова М. В., Симкина Е. В. Аймуранова А. Р.</i> Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее привлечение к административной ответственности: правоприменительный аспект.....	120
<i>Федорин В. П.</i> К вопросу о природе и необходимости поправок к Конституции Российской Федерации	125
<i>Шакурьянов Р. М.</i> К вопросу об услугах как объекте гражданских прав	131
<i>Трофимов Е. В.</i> Эффективность правового (антикоррупционного) просвещения целевой аудитории в контексте формирования нетерпимости к коррупции	139

*Архипова Марьяна Владимировна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ
(РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент
Редькина Екатерина Анатольевна,
аналитик отдела сопровождения аккредитационной
экспертизы ФГБУ Росаккредагентство,
кандидат юридических наук, доцент*

К вопросу о культурном наследии как объекте уголовно-правовой охраны

На современном этапе развития общества культура играет основополагающую роль в развитии личности, гуманизации общества и сохранении национальной самобытности народов[1]. XXI век справедливо называют «периодом информационного мусора», потому что в огромном потоке информации достаточно сложно отобрать те сведения, которые являли бы собой истину и имели социальное значение для будущих поколений. Объекты культурного наследия и культурные ценности обладают бесспорной уникальностью, поскольку являются ярким примером культурной памяти общества. Дойдя до наших дней, они, как отмечает Т. Р. Сабитова, «позволяют заглянуть вглубь столетий, проследить различные этапы истории Родины и тем самым обеспечить историческую преемственность культурных традиций народа» [2, с. 9].

С нравственной точки зрения, общество обязано заботиться о культурном наследии и обеспечивать его сохранность. Данное утверждение нашло свое отображение в Конституции РФ, в которой говорится, что у каждого есть право на доступ к культурным ценностям и в обязанности каждого входит забота о сохранении исторического и культурного наследия, охрана памятников истории и культуры (ч. 2 и 3 ст. 44 Конституции РФ).

В ходе исторического развития общество, помимо морального и культурного обогащения, сталкивалось с различными поступками, которые противоречили общественному порядку, что

привело к необходимости создавать рычаги воздействия на такие антиобщественные проявления.

Для обеспечения условий необходимых для сохранения и развития культуры, государство использует все имеющиеся у него средства, в том числе и меры уголовно-правового характера.

Эффективность уголовно-правовых норм напрямую зависит от реализации норм нравственности, включающие в себя нравственные идеи и принципы общества.

Уголовное законодательство многих европейских стран, в середине XIX века, дополнилось группой преступлений посягающих на общественную нравственность. Интересным является тот факт, что за рубежом по-разному толкуют и понимают данную категорию. Так, например, во Франции нравственность является объектом в преступлениях против семьи; в других странах, нравственность — объект уголовно-правовой охраны половых отношений.

Однако в большинстве зарубежных стран, также как и в Российской Федерации, законодательно установлена ответственность за преступления, посягающие на здоровье населения и общественную нравственность. Между тем, оценка общественной опасности таких деяний неоднозначна.

А. И. Чучаев полагает, что преступления против общественной нравственности причиняют существенный вред или создают угрозу его причинения нравственным устоям общества.

По мнению Р. Р. Галиакбарова, общественная опасность преступлений против общественной нравственности выражается в посягательстве на устоявшиеся в обществе принципы морали в половой сфере, в области социальной памяти и гуманного обращения с животными [3].

Представляется, что преступления, посягающие на общественную нравственность, можно классифицировать на три группы:

- 1) общественно опасные деяния, предусмотренные ст. 240 – ст. 242.1 УК РФ, посягающие на господствующие принципы половой морали;
- 2) общественно опасные деяния, предусмотренные ст. 243 – ст. 243.3 УК РФ, посягающие на памятники истории и культуры;

3) общественно опасные деяния, предусмотренные ст. 244–245 УК РФ, посягающие на общественную нравственность в сфере социальной памяти общества и гуманного обращения с животными.

При этом, вторая группа преступлений окончательно сформировалась в уголовном законодательстве России относительно недавно. Если ст. 243 УК, предусматривающая ответственность за уничтожение или повреждение культурного наследия народов, включена в состав Особенной части УК РФ давно, то остальными нормами (ст. 243.1, 243.2 и 243.3) уголовный закон был дополнен лишь в 2013 году.

Обусловлено это тем, что уничтожение памятников культуры остается в памяти поколений и вызывает общественное порицание, а также препятствует реализации конституционного права граждан на доступ к таким объектам — поэтому законодатель изначально включил ст. 243 в состав Особенной части УК РФ. Между тем, следует отметить, что анализ уголовного законодательства позволяет резюмировать, что культурные ценности в качестве предмета преступного посягательства предусмотрены также нормами ст. 164, 190 УК РФ.

Специальные статьи были включены в состав УК РФ в связи с ратификацией 27.06.2011 г. Европейской конвенции об охране археологического наследия (1992 г.) [4, с. 117–121]. Статья 2 Конвенции обязывает государства создать с помощью имеющихся у них средств правовую систему охраны объектов культурного наследия. Таким образом, ратифицированная Конвенция расширила объект уголовно-правовой охраны культурных ценностей, что выразилось во введении в законодательство специализированных норм:

- ст. 243.1 УК РФ «Нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации, либо объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»;

- ст. 243.2 УК РФ «Незаконный поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания»;

- ст. 243.3 УК РФ «Уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), и обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурных ценностей в крупном размере».

Как полагаем, введение указанных норм было обусловлено заботой государства о сохранении археологического наследия страны. Анализ специальной литературы также позволил выделить основные причины введения данных статей в Уголовный кодекс РФ:

1. Низкий уровень охраны археологических объектов, чаще всего по причине их отдаленность привел к многочисленным случаям нарушения поисковиками законодательства о защите археологического наследия. Как следствие, лица, повредившие или уничтожившие памятники истории, ушли от ответственности. Таких лиц средства массовой информации называют «черными копателями» (хотя, по нашему мнению, данный термин не совсем правильно будет использовать ко всем лицам занимающимся металлопоиском).

2. Отсутствие законодательного регулирования данного вида деятельности привело к низкому уровню «культуры ведения металлопоиска». Их правовой статус остался за рамками законодательного регулирования, что практически исключало возможность взаимодействовать с археологами и государственными органами.

Таким образом, в УК РФ сформировалась группа составов преступлений, которые можно обозначить как преступления, посягающие на культурное наследие народов России.

Между тем, наряду с введением данных составов в уголовное законодательство, необходима разработка методических рекомендаций, направленных на правильную и единообразную квалификацию содеянного. В настоящее время таких рекомендаций не выработано, что связано, в том числе, с неединообразной судебной-следственной практикой применения данных статей Уголовного кодекса. В этой связи считаем целесообразным принять

разъясняющее Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам квалификации деяний, посягающих на объекты культурного наследия.

Библиографический список

[1] Основы законодательства Российской Федерации о культуре от 9 октября 1992 г. № 3612-1 (ред. от 29 июля 2017 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 46. Ст. 2615.

[2] Сабитов Т. Р. Охрана культурных ценностей: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Новосибирск, 2004. С. 9.

[3] Галиакбаров Р. Р. Понятие и система преступлений против здоровья населения и общественной нравственности // Преступления против здоровья населения и общественной нравственности // Уголовное право России. Часть особенная: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп.; под ред. Л. Л. Кругликова. — М.: «Волтере Клувер», 2004. [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант плюс».

[4] Кобзева Е. В. Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания - новое преступное посягательство на нравственные основы культурной памяти // Человек: преступление и наказание. 2014. № 2. С. 117–121.

УДК 347.4

*Хорошева Наталья Валерьевна,
судья Арбитражного суда города Санкт-Петербурга
и Ленинградской области*

Правовые последствия различной квалификации договора технологического присоединения к электрическим сетям

Рассматривая вопрос о правовых последствиях квалификации договора технологического присоединения в сфере электро-

снабжения, следует отметить, что данный договор экономически и юридически неразрывно связан с гражданско-правовым договором энергоснабжения. Взаимосвязь вышеуказанных договоров выражается в невозможности заключить договор оказания услуг по передаче электрической энергии ранее заключения договора об осуществлении технологического присоединения.

Правовое регулирование договора энергоснабжения определено в гл. 30, § 6, ст. 539–548 Гражданского кодекса РФ (далее: ГК РФ) [1, с. 235–238].

В отличие от договора энергоснабжения договор технологического присоединения не поименован в ГК РФ. Недостаточная законодательная регламентация правоотношений по данному договору является причиной отсутствия единообразия в толковании и применении норм права судами. Правовая природа такого договора определяется по-разному, а правовые последствия различных по предмету сделок могут не совпадать.

Договорные обязательственные правоотношения направлены на достижение баланса интересов контрагентов в частном праве при совершении определенных действий в пользу другого контрагента. Правовые последствия неисполнения таких действий определяются через квалификацию правоотношений сторон в соответствии с нормами права. Квалифицируя правоотношения сторон, необходимо сравнивать содержание заключенного договора и договорные конструкции в законе.

Принцип верховенства закона, иерархия источников права, основные принципы судопроизводства относят российское право к романо-германской правовой семье, для которой характерна квалификация соглашения в качестве договора, в случае если юридическая сила договора следует из закона. Таким образом, юридическая сила договора технологического присоединения к сетям должна следовать из закона.

В силу ст. 26 федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (далее: закон об электроэнергетике) [2, с. 10] технологическое присоединение к объектам энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии осуществ-

ляется в порядке, установленном правительством РФ, на основании договора об осуществлении технологического присоединения.

Необходимость включения данного договора в ГК РФ в качестве самостоятельно поименованного обусловлена и тем, что его регулирование сегодня подчиняется подзаконному акту: постановлению правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 861 (в ред. от 28.07.2017) [3]. Предметный признак договора технологического присоединения через понятийный аппарат, однако, не определен.

Научная доктрина и правоприменительная практика неоднозначно решают вопрос квалификации договора технологического присоединения к электрическим сетям.

Арбитражные суды рассматривают различные споры по искам владельцев объектов недвижимости к организациям, владеющим энергосистемами: от понуждения заключить договор присоединения до взыскания убытков, связанных с неисполнением такого договора. При разрешении конкретного спора суд применяет нормы права, опираясь на содержание договоров, их правовую природу.

В большинстве случаев арбитражные суды относят договор технологического присоединения к сетям к договору оказания услуг либо к договору подряда в зависимости от того, содержит ли он условия о строительстве и передаче заказчику какого-либо имущества.

Постановлением Президиума ВАС РФ от 10 июля 2012 г. № 2551/12 по делу № А56-66569/2010 [4] установлено, что договор технологического присоединения является самостоятельным видом гражданско-правового договора, не является смешанным, включающим в себя элементы договора возмездного оказания услуг и подряда, а нормы, регламентирующие договор об осуществлении технологического присоединения энергопринимающих устройств, не включены в разд. IV «Отдельные виды обязательств» ГК РФ.

Таким образом, Президиум ВАС РФ признал договор технологического присоединения не поименованным в ГК РФ.

Согласно постановлению Пленума ВАС РФ от 13.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» [5], судам разъяснено оценивать непоименованный договор, принимая во внимание не его название, а предмет договора, действительное содержание прав и обязанностей сторон, распределение рисков и т. д.

В научных кругах дискуссии по тому же вопросу сводятся к отнесению договора на технологическое присоединение к выше-указанным видам.

С. А. Свирков называет технологическое присоединение к сетям действиями нематериального характера в виде услуги обеспечения доступа к сети [6, с. 5–7].

Некоторые юристы приходят к выводу, что технологическое присоединение необходимо рассматривать как работу, поскольку важен результат присоединения, а не его процесс.

О. А. Городов считает, что ряд признаков договора технологического присоединения позволяют рассматривать его как договор подряда [7, с. 135].

Данная точка зрения представляется верной, и правовой режим договора технологического присоединения к электрическим сетям должен быть определен включением его в ГК РФ в качестве самостоятельно поименованного договора подрядного типа.

В пользу правовой квалификации договора технологического присоединения как подрядного свидетельствует характер проводимых мероприятий по фактическому присоединению к сети, направленный на овеществленный результат: разработка проектной документации на строительство (реконструкцию) объектов; выполнение строительно-монтажных работ; осуществление приемосдаточных испытаний, предшествующих вводу электроустановки в эксплуатацию; необходимость оформления акта разграничения балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности сторон со схемой подключения.

От ответа на вопрос, к какому виду договоров относится договор технологического присоединения, зависит, какими нормами будет руководствоваться суд при рассмотрении споров, возникающих в рамках исполнения такого договора, и какие правовые последствия возникнут в результате неисполнения стороной взятых на себя обязательств.

Е. Б. Подузова предлагает определять правовые последствия договоров через научные концепции встречного предоставления и установления обязательственной правовой связи между сторонами [8, с. 26–29].

На современном этапе развития российской правовой системы содержательная концепция встречного предоставления выделяется особо.

Встречное предоставление следует понимать как действия по обмену материальными благами или действия, предполагающие материальный интерес стороны, а также обещание совершить указанные действия, эквивалентные действиям другой стороны.

Согласно российской концепции встречного предоставления (ст. 237.1, 328, 423 ГК РФ), можно говорить об имущественном благе, передаваемом во исполнение возмездного договора, которым является договор технологического присоединения к сетям [1, с. 200–230].

Вопросы о праве одностороннего отказа от договора, об основаниях расторжения договора в судебном порядке в нормах права, регулирующих отношения возмездного оказания услуг и подряда, разрешаются по-разному.

Если договор присоединения считать услугой, то при неудовлетворительном результате такой деятельности услуги будут оказанными, авансовые платежи по истечении срока их внесения будут взысканы судом, что противоречит концепции встречного предоставления.

В постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 декабря 2016 г. № 13АП-28225/2016, 13АП-28226/2016 по делу № А56-21509/2016 [9] отмечено, что выполнение исполнителем обязательства по осуществлению мероприятий по технологическому присоединению обусловлено исполнением заказчиком встречного обязательства по внесению в установленные сроки платы за подключение (п. 1 ст. 328 ГК РФ).

В данном случае сторона договора, не получившая аванс от другой стороны, имеет право применить иные меры защиты нарушенных прав, в том числе приостановить исполнение своего обязательства по выполнению мероприятий согласно ст. 328 ГК РФ, п. 1 ст. 719 ГК РФ либо отказаться от исполнения этого обязательства, потребовать возмещения убытков в соответствии со ст. 328 АПК РФ, а не требовать уплаты авансовых платежей.

В целом можно сделать вывод, что сторонам договора технологического присоединения к электрическим сетям следует учитывать специфику его правовой природы, правовые последствия, доктринальные и практические аспекты квалификации такого договора.

Библиографический список

[1] Федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 06.08.2017) «Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая» // Российская газета. — 1994. — № 238–239, 8 дек.

[2] Федеральный закон от 26.03.2003 г. № 36-ФЗ «Об электроэнергетике» // СЗ РФ. — 2003. — № 13. — Ст. 26.

[3] Постановление правительства РФ от 27.12.2004 г. № 861 «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам администратора торговой системы оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям // <http://base.garant.ru/187740/#ixzz4tqmAPcAB>.

[4] Постановление Президиума ВАС РФ от 10.07.2012 г. № 2551/12 по делу № А56-66569/2010 // Вестн. ВАС РФ. — 2012. — № 11.

[5] Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестн. ВАС РФ. — 2014. — № 5.

[6] Свирков С. А. Договорные обязательства в электроэнергетике. — М.: Статут, 2006. — 253 с.

[7] Городов О. А. Договоры в сфере электроэнергетики: науч.-практ. пособие. — М.: Волтерс Клувер, 2007. — 235 с.

[8] Подузова Е. Б. Квалификация соглашений в предпринимательской деятельности: проблемы и противоречия // *Civil Law*. — 2017. — № 1. — С. 32–36.

[9] Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.12.2016 г. № 13АП-28225/2016, 13АП-28226/2016 по делу № А56-21509/2016 // СПС «Консультант Плюс».

УДК 347.9

*Корнелик Федор Иосифович,
старший преподаватель кафедры
предпринимательского права
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Экспертиза в гражданском процессе в современном российском праве

Судебная экспертиза — процессуальное действие, включающее проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом и другими заинтересованными лицами в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу [1, с. 118].

Экспертиза в гражданском процессе проводится экспертами, которые обладают знаниями в различных сферах (земельной, бухгалтерской, ветеринарной и пр.), обусловленных особенностями поставленных перед экспертом задач, и является самостоятельным процессуальным действием [2, с. 21].

В перечень наиболее часто проводимых экспертиз в гражданском процессе входят: судебно-медицинская, судебно-психиатрическая, криминалистическая, судебная строительно-

техническая, судебно-товароведческая, а также судебная компьютерная и судебно-лингвистическая.

Судебная экспертиза состоит из двух компонентов: специального (применение специальных знаний в форме исследования) и правового (соблюдение процессуальной формы). Цель судебной экспертизы — получение доказательств [3, с. 19].

Гражданский процесс предполагает несколько разновидностей экспертиз, классифицируемых в зависимости от количественного состава экспертов, времени осуществления, а также по другим признакам. Каждая из них обладает некоторыми особенностями.

Первичная экспертиза может назначаться судом в случае необходимости. Она называется первичной, поскольку в рамках процесса за экспертным заключением по определенным вопросам обращаются впервые.

Стороны имеют право ставить перед экспертом определенные вопросы, входящие в его компетенцию. Суд в собственном определении формулирует окончательно список вопросов, которые подлежат разрешению в заключении. При отклонении предлагаемых сторонами вопросов суд мотивирует такое решение касаясь каждого из них.

Комиссионная экспертиза может назначаться и проводиться согласно общим процессуальным правилам. Но в процессе проведения и подготовки заключения участвуют два и более эксперта в одной сфере. Они имеют право общаться, обмениваться мнениями и по итогам проведения экспертизы подготавливают совместное заключение, подлежащее подписанию всеми экспертами, участвовавшими в экспертизе.

В ситуациях, когда выводы экспертов различны, каждый имеет право составить отдельное заключение в той области, где имеет место расхождение.

Комплексная экспертиза предполагает также одновременное участие ряда экспертов, но обладающих знаниями в разных сферах или в разных направлениях одной сферы. В заключении по итогам проведенного исследования формулируются общие выводы по выставленным вопросам. Заключение должно быть подписано всеми экспертами.

В случае если кто-то из экспертов не принимал участия в формулировке общих выводов, он должен подписать лишь те исследовательскую часть и вывод, к которым имел непосредственное отношение. Что же касается эксперта, не согласного с заключительным выводом по экспертизе.

Существует также дополнительная экспертиза. Когда первичное экспертное заключение содержит какие-то пробелы либо неясности, суд обладает правом назначить дополнительную экспертизу, призванную ликвидировать неясность, неполноту и другие сомнительные моменты, присутствующие в первичном заключении.

При этом поручение на осуществление данной экспертизы может выдаваться как тому же самому, так и иному эксперту. С целью назначения дополнительной экспертизы суд должен вынести мотивированное определение, где излагается, по каким причинам он не согласен с полученным ранее заключением.

Основанием для назначения повторной экспертизы выступают сомнения в обоснованности и правильности полученного заключения, а также его разноречивость. В такой ситуации на разрешение выносятся те же самые вопросы, но поручение должно быть передано другому эксперту либо экспертам.

Итак, с целью разрешения вопросов, которые требуют особых познаний в области науки, литературы, искусства, ремесла или техники, суд может привлечь к участию в процессе лиц, которые являются сведущими в той или иной сфере знаний, — экспертов.

Экспертиза — исследование, которое проводится экспертами на основе особенных знаний.

Заключение эксперта — вывод по сформулированным судом вопросам, которые требуют применения особенных познаний, сделанный привлеченным к участию в процессе лицом, сведущим в определенной сфере, на основании изучения предоставляемых ему материалов [4, с. 6].

В силу требований ч. 1 и 2 ст. 86 ГПК РФ заключение эксперта должно содержать подробное описание проведенного исследования, сделанные в результате его выводы и ответы на поставленные судом вопросы. В случае если эксперт при проведении экспертизы установит имеющие значение для рассмотрения и разре-

шения дела обстоятельства, по поводу которых ему не были поставлены вопросы, он вправе включить выводы об этих обстоятельствах в свое заключение.

Эксперт — лицо, обладающее специальными познаниями и привлеченное судом к участию в процессе для дачи заключения по вопросам, требующим таких познаний.

Как уже было сказано, проведение экспертизы может быть поручено судебнo-экспертному учреждению, определенному эксперту или ряду экспертов.

Назначение экспертизы может иметь место по просьбе лиц, принимающих участие в деле, а вместе с тем по инициативе непосредственно суда. В определенных ситуациях назначение экспертизы является обязательным (ст. 263 ГПК РФ). Во всех ситуациях вопрос как собственно об экспертизе, так и о выборе экспертов должен разрешаться судом с принятием во внимание позиций лиц, принимающих участие в деле.

Любая из сторон и иные лица, принимающие участие в деле, имеют право представлять суду вопросы, которые подлежат разрешению при осуществлении экспертизы.

Окончательный круг вопросов, на которые требуется экспертное заключение, должен определяться судом. Отклонение предлагаемых вопросов суд должен в обязательном порядке мотивировать.

Стороны, иные лица, принимающие в деле участие, вправе:

— выражать просьбу в суде о назначении проведения экспертизы в определенном судебнo-экспертном учреждении либо о поручении ее определенному эксперту;

— заявлять эксперту отвод;

— формулировать для эксперта вопросы;

— знакомиться с судебным определением о назначении экспертизы и с представленными в нем вопросами;

— знакомиться с экспертным заключением;

— ходатайствовать перед судом о назначении комплексной, дополнительной, повторной экспертизы.

В случае уклонения стороны от принятия участия в экспертизе, непредставления экспертам требуемых документов и мате-

риалов и в других ситуациях, если согласно обстоятельствам дела и без участия данной стороны провести экспертизу не представляется возможным, суд в зависимости от того, какая сторона от экспертизы уклоняется и какое значение она для нее имеет, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза назначалась, опровергнутым либо установленным.

Главная обязанность эксперта — осуществить полное исследование представляемых ему материалов и объектов и дать объективное и обоснованное заключение относительно поставленных перед ним вопросов.

Эксперт также обязан являться по вызову суда для личного участия в заседании и отвечать на вопросы, которые связаны с проводимым исследованием и представленным им заключением.

Если по причинам, которые судом признаются неуважительными, эксперт не является по вызову суда, на него может налагаться штраф. За дачу заведомо ложного заключения эксперт несет уголовную ответственность.

Эксперт имеет право:

- знакомиться с материалами дела, которые относятся к предмету экспертизы и необходимы для составления заключения;
- просить у суда предоставления дополнительных материалов и документов, которые необходимо подвергнуть исследованию для ответа на поставленные вопросы и дачи надлежащего заключения;
- при участии в процессе, находясь в зале заседаний, задавать вопросы иным участникам процесса; заявлять ходатайства о привлечении к участию в экспертном исследовании и подготовке заключения иных экспертов.

Права эксперта ограничиваются в части:

- самостоятельного сбора документов и материалов; личных контактов с иными процессуальными участниками, когда такая связь ставит под сомнение объективность заключения и отсутствие заинтересованности в решении по делу;

- разглашения сведений, ставших известными эксперту в силу служебных обязанностей при проведении исследования;

- сообщения кому-либо кроме суда экспертных выводов [5, с. 9].

Для дачи заключения эксперт проводит исследование, что предполагает предоставление ему материалов, на основе которых он составляет заключение. Эксперт обеспечивает сохранность представленных ему для исследования материалов и документов и возвращает их в суд вместе с заключением или сообщением о невозможности дать заключение.

В случае если поставленные вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта либо предоставленные ему материалы недостаточны для дачи заключения, эксперт может отказаться от дачи заключения.

Эксперту должны быть возмещены расходы, понесенные им в связи с явкой в суд, по найму помещения, проезду, и должны быть выплачены суточные. Эксперты должны получить вознаграждение за работу, которая выполняется ими согласно поручению суда, если она не включена в круг их служебных обязанностей.

В тех ситуациях, когда происходит привлечение экспертов разных сфер знания или разных научных направлений, экспертиза будет комплексной (ст. 82 ГПК РФ). Поручаемая экспертам одной специальности экспертиза называется комиссионной (ст. 83 ГПК РФ). Заключение эксперта как источник доказательств может рассматриваться в качестве такового только в том случае, если оно получено с соблюдением требований гражданско-процессуального закона. За соблюдение законности при проведении судебной экспертизы ответственен как эксперт, проводивший исследования, так и суд, назначивший экспертизу.

Содержанием процессуальных действий выступают конкретные действия субъектов процесса. Вне правовой оболочки судебная экспертиза не существует. Вне процессуальной формы получить заключение эксперта в качестве судебного доказательства недопустимо. В случае нарушения процессуальной нормы при назначении экспертизы и ее осуществлении заключение экспертизы не будет иметь никакой доказательственной значимости. Однако это не значит, что любая иная экспертиза не имеет формы и определенных требований к способам осуществления и экспертному заключению.

Гарантии истинности фактов, отраженных в заключении эксперта, весьма высоки. Это обстоятельство не дает оснований

расценивать его как «особое» доказательство. Заключение эксперта не имеет никаких преимуществ по сравнению с другими доказательствами. Оно равно среди равных.

Библиографический список

[1] Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза: курс общей теории: для использования в учебном процессе по специальности «Судебная экспертиза». — М.: Норма, 2011. — С. 118.

[2] Дементьев А. Н. Особенности назначения экспертизы в новом гражданском процессуальном кодексе РФ // Гражданин и право. — 2003. — № 3. — С.21.

[3] Синякова М. В. Достоверность письменных доказательств в гражданском и арбитражном процессе // Законодательство. — 2012. — № 1. — С. 19.

[4] Мохов А. А. Специфика экспертного заключения как судебного доказательства // Арбитражный и гражданский процесс. — 2003. — № 9. — С. 6.

[5] Мохов А. А., Меденцов А. А. К вопросу о назначении «независимых» экспертиз при отправлении правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. — 2005. — № 12. — С. 9.

УДК 341.7

*Волков Дмитрий Владимирович,
заведующий кафедрой предпринимательского права
Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ
(РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент*

Институт морального вреда в российском гражданском праве: становление и развитие

В современном обществе, в развивающемся процессе глобализации, информатизации и интеграции особое значение имеет

право на защиту от различных внешних вмешательств, поскольку происходит постоянное взаимодействие людей друг с другом в личном, общественном и публичном плане. Вследствие этого взаимодействия нередко нарушаются личные имущественные и неимущественные права граждан, которые требуют возмещения не только материального ущерба и принятия ряда других мер, но и компенсации морального вреда. Тема компенсации морального вреда как способа защиты личных неимущественных прав актуальна, ибо обусловлена тем, что Конституция Российской Федерации (далее: Конституция РФ) относит эти права к естественным и неотчуждаемым правам личности, следовательно предполагает их эффективную охрану и защиту [1, с. 2]. Так, ст. 21 Конституции РФ гласит о том, что достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления. Статья 23 Конституции РФ предполагает, что каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Важно отметить и то, что компенсация морального вреда является своего рода «лакмусовой бумажкой», отражающей степень защиты неимущественных прав граждан. Экономическая составляющая таких дел играет немаловажную роль, поскольку связана с компенсацией вреда для одних и с издержками для других, что порождает ряд проблем правоприменительного характера, касающихся и размера как применения самого института в правоприменительной практике, так и самой компенсации морального вреда.

Институт компенсации морального вреда на территории России известен давно и в своем развитии имеет глубокие историко-правовые корни. На сегодняшний день известно, что в Древней Руси были заложены своего рода основы института морального вреда. В договорах, которые заключили князь Олег с греками в 911 г. и князь Игорь в 945 г. содержался ряд норм, регулирующих наказания за преступления, связанные в том числе с материальными выплатами. В данных договорах было по две статьи, которые предусматривали порядок денежного взыскания с причинителя вреда. Уже в первом кодифицированном акте — Русской правде содержался целый ряд статей, которые были направлены на защиту

не только имущественной сферы человека, но и его чести, здоровья и жизни. В Русской правде внимание уделялось материальной ответственности за посягательство на здоровье и жизнь человека. В период становления Московского государства проявлялось стремление властей взять на себя ответственность по защите нематериальных благ, устанавливая ответственность для нарушителей. Судебник 1497 г. Ивана III предусматривал наряду со смертной казнью взыскание «головщины» из имущества убийцы. В Судебнике Ивана IV (1550 г.) есть положение о возможности предъявления гражданского иска за убийство. Институт морального вреда упоминался в Соборном уложении 1649 г., где регламентировалось, сколько полагается за «бесчестье» людям разного звания, городским и сельским жителям, служилым и духовным лицам. При этом социальное положение человека влияло и на размер денежной компенсации за причинение телесных повреждений [2, с. 3]. Примечательно, что оскорбление женщины признавалось тягчайшим видом преступлений против чести; за оскорбление жены взыскивался штраф вдвое против оклада мужа; за оскорбление дочери-девицы — вчетверо (тогда как за оскорбление несовершеннолетнего сына — только вполовину) [3, с. 3]. Данные правила о взыскании денежных сумм применялись вплоть до XVIII в. Что касается дальнейшего развития, то уже в 30-е гг. XIX в. в законодательстве различались обязательства из договора и обязательства из причинения вреда. Для наступления обязательств из причинения вреда необходимо было наличие вины со стороны правонарушителя, при этом фактически был исключен моральный вред. Следует сказать, что в цивилистике России достаточно долго, вплоть до начала XX в., господствовало мнение, что возмещение морального вреда не может входить в задачи гражданского права. Причины заключались в том, что, во-первых, этот вред не может быть оценен в деньгах, а во-вторых, если бы даже такая оценка была каким-нибудь образом возможна, она была бы нежелательна, поскольку унижала бы те самые духовные блага, которые желают повысить и охранить [4, с. 3]. Данной позиции придерживался Г. Ф. Шершеневич, утверждавший, что «нужно проникнуться глубоким презрением к личности человека, чтобы внушать ему, что деньги способны дать удов-

летворение всяким нравственным страданиям». Однако существовало и другое мнение, согласно которому гражданское право просто обязано «взять под свою защиту» нарушаемые нематериальные права и блага. Раньше всего это мнение зародилось в практике английских и французских судов. Например, в законодательстве США и Германии вопросы компенсации морального вреда к этому времени были урегулированы весьма детально, что не могло не влиять на мнение ученых-цивилистов и в России. Тенденция к формированию института защиты нематериальных благ вслед за другими странами нашла отражение в проектах законодательства в России. Так, в 1905 г. был разработан проект нового Гражданского уложения [5, с. 3], устанавливавший возмещение нематериального вреда при некоторых определенных деликтах. К сожалению, данный проект так и остался на бумаге и действовал закон 1851 г., который практически отвергал данный институт. После Великой октябрьской социалистической революции 1917 г. снова изменилось представление об институте морального вреда, однако не изменился результат, направленный на его возмещение. В это время гражданское законодательство не рассматривало понятие морального вреда и не допускало его компенсации. После принятия Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. (далее: ГК РСФСР) [6, с. 4] среди юристов начали возникать споры, касающиеся допустимости компенсации морального вреда. Одни исследователи категорически отвергали саму возможность компенсации морального вреда, считая его чуждым социалистическому правосознанию [7, с. 4]. Другие полагали, что и ст. 403 ГК РСФСР 1922 г. и ст. 44 УК РСФСР 1926 года [8, с. 4], являлись основанием для возмещения не только материального, но и морального вреда. С точки зрения, например, Б. Утевского, в ст. 403 ГК РСФСР 1922 г. имущественный вред противопоставлялся вреду, причиненному личности, а кроме того, нет никаких оснований ограничивать понятие «личность» только физической неприкосновенностью, поскольку данное понятие носит, скорее, нематериальный характер, охватывая духовную, моральную сферу человека [7, с. 4]. ГК РСФСР 1964 г. регулировал имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения в целях создания материально-технической базы коммунизма и все более

полного удовлетворения материальных и духовных потребностей граждан. Это вызвало новую волну дискуссий о возможности материального возмещения за причиненный моральный вред. Получается, что возникала необходимость закрепления института денежной компенсации неимущественного вреда в связи с тем, что ГК РСФСР 1964 стал охватывать и личные неимущественные отношения. В большинстве случаев все аргументы в пользу этого института основывались на практике других государств, где этот институт был развит и активно работал. В 1960 г. был принят Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, в ст. 53 которого было впервые употреблено и, образно говоря, легализовано понятие морального вреда: «Потерпевшим признается лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред» [9, с. 4]. Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что, несмотря на все предпосылки к закреплению института морального вреда в российском праве, до начала 1990-х гг. он так и не получил своего правового закрепления. Статья 39 закона СССР «О печати и средствах массовой информации» [10, с. 5] устанавливала право на возмещение морального вреда, однако смысл этого термина не раскрывала. Данная норма предусматривала, что моральный вред, причиненный гражданину в результате распространения средствами массовой информации не соответствующих действительности сведений, порочащих честь и достоинство гражданина либо причинивших ему иной неимущественный ущерб, возмещается по решению суда средствами массовой информации, а также виновными должностными лицами и гражданами. И только ст. 131 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 г. [11, с. 5], определяя моральный вред как «физические или нравственные страдания», положила начало становлению современного института морального вреда в России.

Вред в цивилистике — это неблагоприятные изменения в охраняемом законом благе, при этом само благо может быть как имущественным, так и неимущественным [12, с. 5]. Одним из оснований возникновения обязательств по смыслу ст. 8 ГК РФ является факт причинения вреда. И в силу ст. 1064 ГК РФ гражданин обязан возместить вред, причиненный личности, имуществу другого или

юридическому лицу в полном объеме. В связи с тем, что внедоговорные обязательства связаны с аномальными явлениями, заключающимися в отвлечении субъектов имущественных отношений от жизнедеятельности и причинении им непредвиденных забот, компенсации, согласно специальным нормам ГК РФ (ст. 1099–1101), подлежит моральный вред, причиненный лицу [13, с. 5]. В настоящее время понятие «моральный вред» раскрывается в ст. 151 ГК РФ как «физические или нравственные страдания». Более полное и расширительное толкование данного термина содержится в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» (далее: «О компенсации вреда»). Так, моральный вред — это нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. п.) или нарушающими его личные неимущественные (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо имущественные права [14, с. 6]. Следует учитывать, что моральный вред может выражаться в переживаниях в связи с утратой родственников, с раскрытием семейной или врачебной тайны, распространением порочащих сведений и др. Изучая данное определение, можно увидеть, что при раскрытии термина больше внимания уделяется такой составляющей, как нравственные страдания. Проанализировав ряд исследований в области морального вреда, можно сделать вывод, что условно можно выделить не связанный с физическими страданиями нравственный вред и связанный с психическим страданием нравственный вред. Однако если делать акцент лишь на нравственные страдания, то само понимание института морального вреда будет рассматриваться неоднозначно. Такую позицию можно считать некорректной в силу того, что нравственные страдания являются лишь одной из двух составляющих, указанных в ст. 151 ГК РФ. Поэтому рассматриваемое словосочетание «моральный вред» подвергалось и будет

подвергаться критике в юридической научной среде, до тех пор пока прилагательное «моральный» не будет заменено другим словом или словосочетанием, в полной мере раскрывающим сущность данного понятия. Таким образом, изучив множество интерпретаций понятия «моральный вред», отмечаем, что такое обилие мнений существует прежде всего потому, что развитие, становление и закрепление института компенсации морального вреда в российском праве вызваны общественной необходимостью и большой социальной значимостью. Автор же, исходя из существующей позиции законодателя и рассматривает моральный вред как физические или нравственные страдания. Таким образом, можно заключить, что становление института морального вреда в нашей стране началось еще в древнерусском праве и не было «линейным». В одни периоды государство способствовало развитию института морального вреда, в другие даже отвергало его существование. В конечном итоге Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик закрепили в ст. 131 понятие «моральный вред» и положили начало становлению современного института морального вреда, что с успехом продолжилось в гражданском законодательстве РФ, в котором моральный вред рассматривался как физические или нравственные страдания. В заключение целесообразно кратко остановиться на компенсации морального вреда и отметить, что она возможна при наличии следующих условий: наличие страданий, т. е. морального вреда, вследствие нарушения или посягательства на личные неимущественные права и блага; противоправное поведение причинителя вреда; причинная связь между неправомерным действием и моральным вредом; вина причинителя вреда. В контексте компенсации морального вреда необходимо отметить, что в науке активно ведутся дискуссии относительно равнозначности понятий «неимущественные права» и «нематериальные блага» и можно заключить, что эти понятия равнозначны в связи с тем, что неимущественные права и нематериальные блага в любом случае не имеют какой-либо денежной оценки.

Библиографический список

[1] Конституция Российской Федерации (с учетом поправок от 21.07.2014 № 11-ФКЗ): принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. // СЗ РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.

[2] Полн. Собр. законов Российской империи. Собр. второе. — СПб., 1852. — Т. 26, отд. 1. — С. 210—224.

[3] Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. — М.: Территория будущего, 2005. — С. 349.

[4] Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. — 3-е изд., стереотип. — М.: Статут, 2000. — С. 139.

[5] Проект Гражданского уложения // <http://lib1.usla.ru/texts2/280.pdf>.

[6] Постановление ВЦИК от 11.11.1922 г. «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР (вместе с «Гражданским кодексом РСФСР») // СПС «Консультант Плюс» (документ утратил силу).

[7] Табунщиков А. Т. Институт компенсации морального вреда в российском гражданском праве / под ред. С. В. Тычина. — Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. — С. 18.

[8] Постановление ВЦИК от 22 нояб. 1926 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР в редакции 1926 года» // СПС «Консультант Плюс» (документ утратил силу в связи с изданием указа Президиума ВС РСФСР от 28 марта 1961 г.).

[9] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г. // Свод законов РСФСР. — Т. 8. — С. 613 (документ утратил силу с 1 янв. 2003 г. в связи с принятием федерального закона от 18.12.2001 г. № 177-ФЗ).

[10] Закон СССР от 12 июня 1990 г. №1552-1 «О печати и других средствах массовой информации» // Свод законов СССР. — 1990. — Т. 1. — С. 372-1 (документ фактически утратил силу на территории РФ в связи с принятием соглашения от 8 дек. 1991 г. «О создании Содружества Независимых Государств», ратифицированного постановлением ВС РСФСР от 12.12.1991 г. № 2014-1).

[11] Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик: утв. ВС СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1 // Ведомости

СНД и ВС СССР. — 1991. — № 26. — Ст. 733 (документ утратил силу с 1 янв. 2008 г. на территории Российской Федерации в связи с принятием федерального закона от 18.12.2006 г. № 231-ФЗ).

[12] Смирнов В. Т., Собчак А. А. Общее учение о деликтных обязательствах. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. — С. 17.

[13] Эриашвили Н. Д. [и др.]. Гражданское право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. — С. 785. — <http://www.iprbookshop.ru/7024.html>.

[14] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 дек. 1994 г. № 10 (в ред. от 06.02.2007). «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Российская газета. — 1995. — № 29, 8 февр.

УДК 347

*Аверьянов Алексей Валерьевич,
доцент кафедры гражданского права
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент*

Безвозмездное пользование имуществом

Безвозмездное пользование в экономическом обороте служит основой обеспечения интересов контрагентов по передаче вещи в дящееся пользование без потери юридической связи с объектом [1].

По договору безвозмездного пользования (договору ссуды) ссудодатель обязуется передать или передает вещь в безвозмездное временное пользование ссудополучателю, а ссудополучатель обязуется вернуть ту же вещь в том состоянии, в каком он ее получил, с учетом нормального износа или в состоянии, обусловленном договором.

Из легального определения договора безвозмездного пользования видно, что он может быть консенсуальным и реальным. В

первом случае договор является двусторонним, поскольку обязанности возникают у каждой из сторон, во втором — односторонним: обязанной стороной признается только ссудополучатель. Последний обязуется возвратить ссудодателю вещь, которой временно пользовался [2].

Предметом данного договора могут быть: земельные участки и другие обособленные природные объекты; предприятия и другие имущественные комплексы; здания, сооружения, оборудование; транспортные средства и другие вещи, которые не теряют своих натуральных свойств в процессе их использования (непотребляемые вещи). Следует также отметить, что его предметом должна быть непременно индивидуально определенная вещь. В противном случае нельзя будет оценить, исполнил ссудополучатель свою обязанность возвратить в натуре ту же вещь, которая была предоставлена ему ссудодателем, или нет [3].

Законом устанавливаются, во-первых, виды имущества, передача которого в безвозмездное пользование не допускается или ограничивается, и, во-вторых, особенности передачи в безвозмездное пользование земельных участков и других обособленных природных объектов.

В договоре ссуды должны быть указаны данные, позволяющие определенно установить имущество, подлежащее передаче ссудополучателю. При их отсутствии условие о предмете считается несогласованным, а договор незаключенным.

По общему правилу договор ссуды заключается на срок, определенный договором. Если ссудополучатель продолжает пользоваться имуществом после истечения указанного срока и при этом отсутствуют возражения со стороны ссудодателя, договор считается возобновленным на тех же условиях на неопределенный срок.

Если срок пользования имуществом в договоре не определен, то договор ссуды считается заключенным на неопределенный срок.

Каждая из сторон вправе в любой момент отказаться от договора, заключенного без указания срока, известив об этом другую сторону за один месяц (если договором не предусмотрен иной срок извещения).

Если иное не предусмотрено договором, ссудополучатель вправе в любой момент отказаться от договора, заключенного с указанием срока, известив об этом другую сторону за один месяц, если договором не предусмотрен иной срок извещения.

Ссудодателем может быть собственник и иное лицо, уполномоченное на то законом (например, опекун) или собственником.

При этом установлено ограничение, в соответствии с которым коммерческая организация не вправе передавать имущество в безвозмездное пользование учредителям, участникам, руководителю, членам органов управления или контроля.

ГК не предусматривает особых требований в отношении ссудополучателей. Однако такие требования могут иметь место в специальных законах [4].

Ссудополучатель вправе производить улучшения имущества, полученного по договору. При этом отделимые улучшения имущества являются его собственностью (если иное не предусмотрено договором ссуды). Стоимость неотделимых улучшений имущества, произведенных ссудополучателем без согласия ссудодателя, возмещению не подлежит (если иное не предусмотрено законом).

Безвозмездность договора ссуды повлияла на формулирование правил, связанных с возложением на стороны риска случайной гибели или случайного повреждения вещи. По общему правилу такой риск несет ссудодатель (как собственник вещи). Однако данный риск возлагается на ссудополучателя, если вещь погибла или была испорчена в связи с тем, что он использовал ее не в соответствии с договором или назначением либо передал ее третьему лицу без согласия ссудодателя.

Кроме того, ссудополучатель несет риск случайной гибели или случайного повреждения вещи, если с учетом фактических обстоятельств мог предотвратить ее гибель или порчу, пожертвовав своей вещью, но предпочел сохранить свою вещь.

Ссудодатель отвечает за вред, причиненный третьему лицу в результате использования вещи. Он освобождается от такой ответственности если докажет, что вред причинен вследствие умысла либо грубой неосторожности ссудополучателя или лица, у которого эта вещь оказалась с согласия ссудодателя.

Ссудодатель вправе потребовать досрочного расторжения договора безвозмездного пользования в случаях, когда ссудополучатель использует вещь не в соответствии с договором или назначением вещи; не выполняет обязанностей по поддержанию вещи в исправном состоянии или ее содержанию; существенно ухудшает состояние вещи; без согласия ссудодателя передал вещь третьему лицу.

Ссудополучатель вправе требовать досрочного расторжения договора безвозмездного пользования при обнаружении недостатков, делающих нормальное использование вещи невозможным или обременительным, о наличии которых он не знал и не мог знать в момент заключения договора; если вещь в силу обстоятельств, за которые он не отвечает, окажется в состоянии, непригодном для использования; если при заключении договора ссудодатель не предупредил его о правах третьих лиц на передаваемую вещь; при неисполнении ссудодателем обязанности передать вещь либо ее принадлежности и относящиеся к ней документы.

Следует также выделить некоторые особенности договора ссуды.

1. Ссудодатель вправе произвести отчуждение вещи или передать ее в возмездное пользование третьему лицу. При этом к новому собственнику или пользователю переходят права по договору безвозмездного пользования. В свою очередь его права в отношении полученной вещи обременяются правами ссудополучателя.

2. В случае смерти гражданина-ссудодателя (прекращении юридического лица — ссудодателя) права и обязанности по договору переходят к правопреемникам.

3. В случае реорганизации юридического лица — ссудополучателя его права и обязанности по договору переходят к организации, являющейся его правопреемником (если иное не предусмотрено договором).

4. В случае смерти гражданина-ссудополучателя (ликвидации юридического лица — ссудополучателя) договор безвозмездного пользования прекращается (если иное не предусмотрено договором).

Библиографический список

[1] Андреев И. А., Аюшеева И. З., Васильев А. С. [и др.]. Гражданское право: учебник: в 3 т. / под ред. С. А. Степанова. — М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2011. — Т. 2. — 712 с.

[2] Кабалкин А. Договор безвозмездного пользования // Хозяйство и право. — 1997. — № 10. — С. 17–20.

[3] Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: Договоры о передаче имущества. — 4-е изд., стереотип. — М.: Статут, 2002. — Кн. 2. — 800 с.

[4] Витрянский В. В., Ем В. С., Козлова Н. В. [и др.]. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. — 2-е изд., стереотип. — М.: Статут, 2011. — Т. 2: Обязательственное право. — 1208 с.

[5] Ершов В. А., Сутягин А. В., Кайль А. Н. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации // СПС «Консультант Плюс».

[6] Баринов Н. А., Беляев К. П., Вавилин Е. В. [и др.]. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. / под ред. П. В. Крашенинникова. — М.: Статут, 2011. — Т. 1. — 533 с.

УДК 347

*Савельева Мария Владимировна,
доцент кафедры общеправовых дисциплин
Ленинградского областного филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук*

Проблемы злоупотребления в сфере интеллектуальных прав

Необходимость защиты и охраны прав интеллектуальной собственности не подлежит сомнению. Реализация этих прав спо-

собствует техническому процессу. Однако нельзя отрицать тот факт, что осуществление этих прав может приводить к нежелательным правовым последствиям.

Гражданский кодекс содержит прямой запрет на осуществление права «исключительно с намерением причинить вред другому лицу», а также «злоупотребление правом в иных формах». Определяя термин «злоупотребление», мы буквально понимаем употребление права *во зло*. Злоупотребление правом — отличительная черта любого современного национального и международного законодательства. Однако в отсутствие легальной дефиниции предполагает ряд подходов в рассматриваемой категории:

— злоупотребление правом как умышленные вредоносные действия;

— злоупотребление правом как недобросовестное осуществление субъективного права;

— злоупотребление правом как особый тип правонарушения, совершаемый управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права с использованием недозволенных конкретных норм в рамках дозволенного общего типа противоповедения.

Субъективное право одного лица может осуществляться безгранично, до тех пор пока не войдет в соприкосновение с субъективными правами другого лица.

Если одно лицо не может использовать свои права без вреда для другого, а правообладатель, не желая поступиться настаивает на неприкосновенности своих прав — как разрешить конфликт?

Управомоченное лицо, действуя в границах своего субъективного права, формально не разрушает чужое право. Квалифицируя действия как злоупотребление, суды должны устанавливать мотивы, цели и намерения лица, осуществляющего свое право так, что это повредило другому лицу. Национальный суд по интеллектуальным правам активно применяет защиту от злоупотребления правами интеллектуальной собственности со стороны правообладателей, разрешая правовые конфликты, связанные с защитой товарных знаков. Например в деле о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака по иску ООО

«СанФармасьютикл Индастриз» к ЗАО «Форма-Синтез» о досрочном прекращении правовой охраны товарных знаков. Злоупотребление было использовано наряду с недобросовестной конкуренцией (см. Решение по делу №СИП 521/20154 от 15.12.2015. Правовой портал Консультант плюс. Дата обращения [16.11.2017]). Однако данное применение возможно только одновременно с такой правовой категорией, как недобросовестность. Нормы ст. 1486 ГК РФ, ст. 19 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, заключенного в Марракеше 15 апреля 1994 г., устанавливают обязанность правообладателя использовать товарный знак, предусматривая возможность применения статьи 10.bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности при наличии злоупотреблений со стороны правообладателя. Поэтому Суд по интеллектуальным правам использует злоупотребление через недобросовестность: «Актом недобросовестной конкуренции считается всякий акт конкуренции, противоречащий честным обычаям в промышленных и торговых делах. Подлежат запрету все действия, способные каким бы то ни было способом вызвать смешение в отношении предприятия, продуктов или промышленной или торговой деятельности конкурента; ложные утверждения при осуществлении коммерческой деятельности, способные дискредитировать предприятие, продукты или промышленную или торговую деятельность конкурента; указания или утверждения, использование которых при осуществлении коммерческой деятельности может ввести общественность в заблуждение относительно характера, способа изготовления, свойств, пригодности к применению или количества товаров» (Электронное правосудие <http://kad.arbitr.ru/> Решение по делу №СИП 521/20154 от 15.12.2015. Официальный сайт. Дата обращения [16.11.2017]).

Однако многообразие цифровых форм и способов использования права на объекты интеллектуальной собственности требует и правового изменения в, казалось бы, уже в устоявшуюся систему объектов поименованные в ГК. Информационная цифровая доступность стерла границы между созданием произведения, перемещением и воспроизведением. Меняется форма объектов. Спо-

собы использования права на объекты в момент создания и в момент использования различны, а значит, и употребление своего права *во зло*; ограничения прав других субъектов права становятся более многообразными. И если при спорах о товарных знаках правоприменительная практика защиты от злоупотреблений с одновременным доказательством недобросовестности правообладателя очевидна, то применение в отношении других объектов интеллектуальной собственности проблематично, особенно с учетом современной технологий.

Современные условия и технологии ставят новые задачи перед правоприменителем. Не владелец, а потребитель определяет объект права, а значит, и права, злоупотребление которыми неблагоприятно влияет на передачу технологий и приводит к ограничению торговли.

Сегодня становится особенно актуальным предложение Виктора Абрамовича Дозорцева о необходимости включить в общие положения примерный перечень действий, составляющих нарушение прав правообладателя, определив и некоторые специальные составы, составляющие злоупотребление правом и недобросовестную конкуренцию в этой сфере [3 с. 23].

Библиографический список

[1] Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики: в 2 томах. Т. 1 / под общ. Ред. В. А. Белова. М.: Издательство Юрайт, 2015.

[2] Дигесты Юстиниана / перевод с латинского; Отв. Ред. Л. Л. Кофанов. — М.: Статут, 2002.

[3] Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. Сборник статей / Исслед. центр частного права. — М.: Статут. 2005. С. 23.

[4] Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. — 7е изд. М.: Статут, 2016.

*Сергеева Анжелика Анатольевна,
заместитель директора по учебной и воспитательной работе,
заведующая кафедрой уголовного права и процесса
Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ
(РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент*

Лоббирование: узаконить нельзя запретить

Государственное управление, обновленное реформами последних лет, в настоящее время не представляется без использования информационно-коммуникационных технологий. Этому, прежде всего, способствовало активное развитие в нашем государстве концепции «электронной демократии». В этой связи представляются значимыми возможности информационно-коммуникационных технологий для продвижения интересов различных объединений граждан (например, общественных объединений) перед государством, другими социальными институтами. Одним из инструментов отстаивания законных (легальных) интересов может выступать, по нашему мнению, лоббизм. Как справедливо было отмечено, лоббизм может выступать «каналом реализации той общественной деятельности, которую трудно полностью ликвидировать и на пути которой нельзя поставить нормативные барьеры, запрещающие диалог граждан с властью ... Лоббизм подразумевает диалог власти и гражданского общества, поэтому рассматривается как инструмент защиты интересов граждан РФ» [1, с. 54]. Лоббизм как политико-правовое явление обладает различными свойствами, позволяющими, определить его содержание и отличить его от смежных институтов. Анализ характерных свойств лоббистской деятельности позволяет различным авторам формулировать определения лоббизма. При всем разнообразии таких определений, а также огромного числа научных, научно-популярных и просто популярных публикаций, посвященных лоббированию, следует признать, что в настоящее время единообразие подходов к понятию «лоббизм» отсутствует.

Лоббизм понимается и как форма политического давления, оказываемая на власть для продвижения особых, частных интересов [2], и как процесс действия заинтересованных лиц по преодолению законодательных, административных, правоприменительных барьеров или общественного интереса по тому или иному вопросу в целях реализации своих собственных интересов либо интересов третьих лиц посредством воздействия на органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностных лиц [3, с. 68]. Есть и другие определения лоббизма. Как уже неоднократно отмечалось, горячие споры о положительных и отрицательных чертах лоббистской деятельности не утихают до настоящего времени. Диапазон мнений впечатляет - от крайне негативного до оптимистично позитивного.

Стоит сразу оговориться о том, что зачастую сторонники той или иной позиции относительно перспектив лоббистской деятельности в России оперируют исключительно субъективным восприятием данного явления без комплексного анализа всех составляющих лоббизма.

Очень часто в научной литературе встречается мнение о том, что принимая закон о лоббизме, государство практически оправдывает и даже легализует коррупцию, учитывая, что продвижение интересов различных слоев общества в органах государственной власти будет осуществляться группами давления за вознаграждение в любой форме.

Так, в работах А. Х. Миндагулова четко усматривается крайне отрицательное мнение автора относительно возможности нормативного регулирования лоббистской деятельности. По его мнению, «не выдерживает критики утверждение о том, что под лоббизмом подразумевается способствование принятию органами власти тех или иных решений, не связанных с подкупом государственных чиновников. Деятельность, не связанная с подкупом государственных чиновников, не имеет никакого отношения к лоббизму ... Прозрачные взаимоотношения власти и бизнеса — это обычная юридическая практика ... Лоббистская же деятельность изначально предполагает достижение намеченных целей способами, которые преследуются по закону. Теневое лоббирование — это масло масляное. Лоббизм — явление, которое пребывает только в тени» [4, с. 105].

Приведем еще одно достаточно спорное, по-нашему мнению, утверждение Н. А. Бобровой, Д. А. Заикина о том, что «закон о лоббизме в рамках суверенной демократии не нужен: такой закон, если он и появится, будет не чем иным, как легализацией коррупции» [5]. Представляется, что подобные утверждения представляют собой ничто иное, как упражнения в софистике, когда используются разнообразные логические дефекты, подмена понятий, различные словесные уловки и ухищрения.

Когда лоббизмом называют деятельность чиновника, который продвигает интересы коммерческих структур, благодаря своему должностному положению [6] да еще и за материальное вознаграждение, фактически в качестве лоббиста (субъекта лоббирования) видится чиновник, что, по мнению С. Васильевой, соответствует распространенной российской практике продвижения частных интересов в органах власти. Но, по-нашему мнению, неверно лиц, замещающих должности в органах государственной власти, определять в качестве субъектов лоббирования. В этом случае, как точно было отмечено, с правовой точки зрения, действия чиновника, который продвигает интересы коммерческих структур, в одном случае могут характеризоваться как коррупция, а в другом — еще и как преступление. Ни о каком цивилизованном лоббизме здесь не может идти и речи [6].

При явном преобладании негативных оценок перспектив правового регулирования лоббизма в России, возникает вопрос, почему до настоящего времени выдвигаются предложения о регуляционном воздействии на общественные отношения, возникающие по поводу продвижения определенных интересов в органах публичной власти? Представляется, что основная причина — это признание фактом то обстоятельство, что деятельность по продвижению частных интересов в органах власти осуществляется в реальной действительности и очень интенсивно. Бесспорно то, что лоббирование в Российской Федерации стало частью политической системы. В то же время в России лоббизм носит, чаще всего, коррупционный характер, нет сложившихся и действующих этических норм и соответствующей устоявшейся практики добросовестной деятельности по продвижению интересов в органах публичной власти. Более того, нецивилизованное, а порой и преступное лоббирование приносит при

меньших затратах большую выгоду. Цивилизованный лоббизм является более затратным. Поэтому достаточно популярным является постоянно возникающий и активно поддерживаемый призыв к установлению уголовной ответственности за лоббирование. На сайте «Российская общественная инициатива» за проект под названием «Ввести уголовную ответственность за злоупотребление влиянием (лоббизм)» проголосовало 688 человек, 54 человека проголосовали против указанной инициативы. В то же время, установление запрета, в том числе уголовно-правового, на любое продвижения частных интересов в органах публичной власти, не приведет к желаемому результату. В этой связи очень трудно будет отграничить законную деятельность в чьих-то интересах (избирателей, например) от лоббирования. Разграничить легальный и нелегальный лоббизм можно путем принятия закона о лоббизме. Представляется, что попытки «лоббирования закона о лоббировании» обусловлены именно пониманием того, что принятие такого закона позволило бы не только урегулировать вопросы «правового статуса субъектов лоббистской деятельности; содержания лоббистских отношений; закрепление правовых форм реализации субъектами лоббистской деятельности интересов юридических и физических лиц» [7, с. 6], но и четко определить легальные способы и методы лоббистской деятельности.

Противники введения правового регулирования лоббирования очень часто обращаются к опыту США, утверждая, что коррупция в этой стране, едва ли не обязана наличию такого закона, который был принят еще в 1946 году. Солидаризируясь с мнениями тех авторов, которые считают, что «введение в России процедур продвижения интересов по аналогии с другими странами, где традиции лоббизма устоялись (США, Канада, Великобритания и др.), представляется невозможным и ненужным» [6], добавим, что в случае разработки и принятия такого закона в России при определении сущности данного института необходимо учесть уже имеющиеся нормативно закрепленные механизмы продвижения интересов в органах государственной власти.

В этом споре есть и третья точка зрения, которая не является популярной, но заслуживает тщательного изучения. Так, некоторые авторы обращают внимание на то, что признание или непри-

знание лоббизма государством не может повлиять на развитие данной деятельности, так как лоббизм — явление объективное, «с которым гражданам и органам приходится считаться» [8, с. 123]. В этом качестве лоббизм развивается стихийно и урегулирование данных отношений не является панацеей, учитывая, что не удастся исключить главный признак такой деятельности — непосредственный контакт лоббиста с чиновником. Межличностная сфера слабо поддается регуляционному воздействию, а при низком уровне этики поведения публичного лица в органах государственной власти попытки нормативного регулирования процедуры лоббирования окажутся безуспешными.

Именно поэтому, считает З. М. Гильметдинова, «цивилизованный лоббизм придется «выращивать» не путем установления позитивных процедур взаимодействия бизнеса и власти, а посредством создания инфраструктуры контроля и ответственности в системе «бизнес — власть» [8, с. 123]. Очевидно, что уровень коррупции в России вряд ли будет подвержен серьезному влиянию со стороны действия позитивных норм закона о лоббизме, в то же время совокупность мер по противодействию коррупции, безусловно, будет способствовать развитию цивилизованного лоббизма в России. И только после создания позитивной практики цивилизованного лоббирования будет очевидна полезность законодательного регулирования лоббизма.

Библиографический список

[1] Колосова Н. М. Лоббизм и коррупция // Журнал российского права. — 2014. — № 2. — С. 53–59.

[2] Шапошников А. В. Лоббизм как явление общественной жизни и категория политической науки // Рос. газ. — 2001. — 7 февр.

[3] Зелепукин Р. В. Проблемы регулирования лоббистской деятельности // Юридический мир. — 2012. — № 2. — С. 68–70.

[4] Миндагулов А. Х. Цивилизованный лоббизм как способ узаконения коррупции [Электрон. ресурс] // ЕврАзЮж. — 2010. — № 7 (26). — С. 100–104. — URL: <https://www.eurasialaw.ru/index.php?>

[option=com_content&view=article&id=1063:-7-26-2010-&catid=154:2010-08-18-06-27-10](http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CJI;n=34246) (дата обращения: 01.11.2017).

[5] Боброва Н. А., Заикин Д. А. Парламентские формы борьбы с коррупцией // Конституционное и муниципальное право. — 2009. — № 1. [электронный ресурс]. - URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CJI;n=34246> (дата обращения: 19.09.2017).

[6] Васильева С. Не стоит искать лоббизм там, где его нет: к вопросу о правовом понимании этого института в России [электрон. ресурс] // Информационная подборка материалов к «круглому столу» на тему: «Зарубежный опыт законодательного регулирования лоббистской деятельности в системе мер противодействия коррупции и перспективы его использования в Российской Федерации» по информационно-библиографическим ресурсам Управления библиотечных фондов (Парламентской библиотеки). — URL: http://lobbying.ru/dokuments/lobby_duma.pdf (дата обращения: 01.06.2017).

[7] Сиротенко, С. П. Нормативно-правовое регулирование лоббизма : российский и зарубежный опыт : автореф. дисс. канд. юрид.наук. /С. П. Сиротенко. — СПб., 2011. — 24 с.

[8] Гильметдинова З. М. Лоббизм в Российской и зарубежной практике // Вестник казанского юридического института МВД России. — 2014. — № 2 (16). — С. 123–126.

УДК 347

*Алексеева Евгения Владимировна,
доцент кафедры предпринимательского права
Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ
(РПА Минюста России), кандидат юридических наук*

Понятие и сущность договора франчайзинга

В современной России весьма динамично развивается конкурентная среда, постоянно возникают новые виды бизнеса, а

имеющиеся направления и разновидности предпринимательской деятельности часто видоизменяются и начинают складываться относительно вновь возникших товаров и ноу-хау. В таких условиях необходимо изыскивать как дополнительные возможности для быстрого распространения информации о появляющихся новинках среди товаров и новых видов услуг (работ), так и особые способы продвижения таких товаров и услуг (работ) с целью охвата большего количества рынков сбыта, а равно и дополнительные инвестиции для расширения предпринимательской деятельности.

Указанные обстоятельства вызывают необходимость развития особых правовых институтов, которые смогут оптимизировать финансовые, информационные, человеческие ресурсы, избежать территориальной привязки бизнеса, минимизировать необходимость в создании обособленных структурных подразделений хозяйствующих субъектов. Поэтому все большее значение и инвестиционную привлекательность получает такая договорная конструкция, как договор франчайзинга, или коммерческой концессии (как он называется в российском гражданском законодательстве).

Следует заметить, что сама идея франчайзинга достаточно молодая, причем не только в нашем правовом порядке. Так, Р. И. Зименков и В. Б. Кудряшова определяют начало становления института франчайзинга в мировой практике с середины XX в. [1, с. 36]. Е. А. Суханов отмечает, что франчайзинг начал развиваться «в прошлом веке в США» [2, с. 32]. Однако в целом большинство ученых придерживаются той позиции, что франчайзинг возник и начал развиваться в период со второй половины XIX до начала XX в. В частности, С. А. Сосна и Е. С. Васильева говорят о том, что первый «чистый» франчайзинг начала практиковать фирма изобретателя знаменитых швейных машинок Й. Зингера в 1863 г. [3, с. 16].

По мнению А. А. Еремина, «зарождение истории коммерческой концессии в России можно отнести к началу и середине 90-х гг. прошлого века. Первые схемы взаимодействия контрагентов строились с использованием арендных отношений и включением в договоры передачи арендаторам права на использование товарного знака, принадлежащего компании. Подобный способ осуществления предпринимательской деятельности часто и активно

использовали нефтяные компании. Возможно, именно популярностью и эффективностью франчайзинга было продиктовано стремление законодателя урегулировать соответствующие общественные отношения» [4, с. 14–15].

К сожалению, понятие франчайзинга терминологически не закреплено в законодательстве Российской Федерации, равно как отсутствует единообразный подход к его регулированию на международном уровне. При этом, как указывает И. В. Рыкова, «в международной практике выделяют два основных вида франчайзинга (они известны в настоящее время и российской практике) <...> они различаются объемом передаваемых правообладателем своему партнеру прав, степенью стандартизации бизнес-процессов и уровнем поддержки, оказываемой правообладателем (франчайзером) своим партнерам (франчайзи). Первый вид — франчайзинг распределения, предполагающий собой продажу товаров, произведенных или продаваемых франчайзером под его товарным знаком на определенных условиях. Второй вид — франчайзинг бизнес-формата, который предполагает наличие у франчайзера наряду с товарным знаком и другими средствами индивидуализации уникальной технологии ведения дела, стандартов, коммерческих методов и определенной системы знаний, технических и маркетинговых ноу-хау, другими словами — системы, право на использование которой и предоставляется франчайзи» [5, с. 82].

Если провести системный анализ положений гл. 57 Гражданского кодекса РФ (далее: ГК РФ), то можно сделать вывод, что именно второй вид франчайзинга получил правовое оформление и именуется коммерческой концессией.

В юридической литературе справедливо отмечается неоднозначность в понимании сущности франчайзинга. В частности, следует согласиться с мнением А. С. Райникова, который отмечает, что на данный момент не получила разрешения проблема разграничения договора коммерческой концессии и дистрибьюторского договора. Также «развернута дискуссия относительно обязательных и факультативных элементов комплекса исключительных прав, предоставляемого по договору коммерческой концессии. Отсутствует единство в подходах к решению проблемы вовлечения “в орбиту”

договора коммерческой концессии сопутствующих ему обязательств. Требуют ответа вопросы о возможности присутствия множественности на стороне правообладателя и пользователя, о допустимости заключения в условиях российского гражданского законодательства договора мастер-франчайзинга и многие другие» [6, с. 6].

В рамках настоящей статьи считаем целесообразным отграничить российскую конструкцию договора франчайзинга (коммерческой концессии) от смежных и родственных институтов.

Согласно ст. 1027 ГК РФ, по договору коммерческой концессии одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав, в частности на коммерческое обозначение, секрет производства (ноу-хау).

Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что при коммерческой концессии пользователю передается комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на ряд указанных выше объектов исключительных прав. Данная особенность позволяет отграничить договор коммерческой концессии от лицензионного договора, хотя в научной литературе встречается мнение, что франчайзинг — это форма лицензирования, при которой франчайзер (корпорация-владелец) предоставляет франчайзи (предпринимателю) возмездное право на ведение бизнеса от своего имени, используя разработанную бизнес-модель, товарные знаки и/или бренды франчайзера [7, с. 14].

Вместе с тем, согласно ст. 1235 ГК РФ, по лицензионному договору одна сторона — обладатель исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (лицензиар) предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования такого результата или такого средства в предусмотренных договором пределах. Таким образом, в отличие от лицензионного договора по договору

франчайзинга правообладатель должен передать не одно право, а целый комплекс прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Это также требует от правообладателя как передачи пользователю документации, свидетельствующей о наличии таких прав, так и оказания пользователю помощи, необходимой и достаточной, чтобы пользователь мог эти права правильно использовать в своей деятельности [6, с. 6].

Кроме того, как следует из понятия договора коммерческой концессии, такой договор может быть только возмездным. Следовательно, его следует квалифицировать исключительно как предпринимательский договор. Это подтверждается и тем фактом, что сторонами по договору коммерческой концессии могут быть коммерческие организации и граждане, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей. Обладатель исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (т. е. лицензиар) может и не иметь статуса субъекта предпринимательской деятельности. Лицензионный договор может и не носить возмездного характера.

Также п. 3 ст. 1235 ГК РФ определено, что в лицензионном договоре должна быть указана территория, на которой допускается использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. Если территория, на которой допускается использование такого результата или такого средства, в договоре не указана, лицензиат вправе осуществлять их использование на всей территории Российской Федерации. Для коммерческой концессии закон не определяет таких правил, хотя в отношении пользователя правила могут быть установлены по территории ведения предпринимательской деятельности.

Договор коммерческой концессии также следует отграничивать от договора возмездного оказания услуг. Следует обратить внимание, что в соответствии с п. 2 ст. 779 ГК РФ правила о договоре возмездного оказания услуг применяются к договору франчайзинга. Однако предмет договора франчайзинга существенно отличается от договора возмездного оказания услуг, который, согласно ст. 779 ГК РФ, предполагает совершение исполнителем определенных действий или осуществление определенной дея-

тельности. Кроме того, в соответствии со ст. 1034 ГК РФ правообладатель несет субсидиарную ответственность по предъявляемым к пользователю требованиям о несоответствии качества товаров (работ, услуг), продаваемых (выполняемых, оказываемых) пользователем по договору коммерческой концессии. Таких обязанностей у исполнителя по договору возмездного оказания услуг не возникает.

Однако абсолютной категоричности в соотношении двух рассматриваемых институтов быть не должно, поскольку правообладатель обязан оказывать пользователю постоянное техническое и консультативное содействие, включая содействие в обучении и повышении квалификации работников. Как указывается в юридической литературе, «эта обязанность носит не разовый, а регулярный характер, чем отличается от установленной в п. 1 ст. 1031 ГК РФ обязанности правообладателя провести инструктаж пользователя и его работников по вопросам, связанным с осуществлением исключительных прав. Эта группа обязательств составляет отдельный элемент обязательств по договору коммерческой концессии, который имеет общую природу с обязательствами, вытекающими из договоров по оказанию возмездных услуг (информационных услуг или услуг по обучению). В частности, условиями договора может быть предусмотрен график проведения консультаций или проведения занятий по обучению персонала, методы повышения квалификации, формы и время проведения квалификационных проверок персонала (тесты, экзамены) и т. п.» [8, с. 914].

Думается, что весьма полезным было бы предусмотреть в ГК РФ особенности правового регулирования дилерского и дистрибьюторского договора, которые являются смежными с договором коммерческой концессии правовыми институтами. Так, дилерские и дистрибьюторские договоры прежде всего относятся к группе реализационных договоров, т. е. предусматривающих куплю-продажу товаров. В частности, как указывает Е. В. Шоломова, «от договора коммерческой концессии дистрибьюторский договор отличается то, что дистрибьютор заинтересован в извлечении прибыли не от использования исключительных прав, а от продажи определенных товаров. Дистрибьютор, как правило, не получает в пользо-

вание комплекс исключительных прав, а приобретает лишь право на использование товарных знаков поставщика, но и то лишь для того, чтобы иметь возможность выполнять свое обязательство по распространению на определенной территории на согласованных с поставщиком условиях принадлежащих дистрибьютору товаров, приобретенных у поставщика» [9, с. 62].

Наконец, коммерческую концессию следует отличать от таких предпринимательских договоров, которые связаны с управлением одним юридическим лицом другим. Они схожи в том, что для обеих конструкций предполагается контроль и определенное управление со стороны одного лица по отношению к другому. При этом в отличие от управленческого договора коммерческая концессия не преследует цели установления контроля одного лица над органами управления другого.

Таким образом, можно определенно констатировать, что:

1) договор коммерческой концессии имеет самостоятельную правовую природу, выражающуюся в наличии самостоятельного предмета и иных существенных условий (включая, например, обязательное указание вознаграждения для правообладателя);

2) существо комплекса исключительных прав, передаваемых по договору франчайзинга и определяющих предмет договора, сводится к предоставлению их обладателям юридической монополии на использование охраняемых результатов творческой деятельности с одновременной возможностью устранения от такого использования всех третьих лиц; это, в свою очередь, дает легальное основание влиять на конкурентную среду на отдельных товарных рынках, создавать крупнейшие торговые и иные предпринимательские сети, не нарушая законодательство о защите конкуренции;

3) договор коммерческой концессии требует более подробной правовой регламентации; по справедливому утверждению Г. А. Лаптева, «в наиболее существенной доработке нуждается понятийный аппарат» [10, с. 33].

Представляется, что указанную, а равно и другие имеющиеся проблемы в сфере правового регулирования рассматриваемого

института можно решить принятием специального закона о коммерческой концессии (франчайзинге).

Библиографический список

[1] Зименков Р. И., Кудряшова В. Б. Франчайзинг в международной практике // Вестник Академии. — 2009. — № 1. — С. 31–37.

[2] Гражданское право: учебник: в 4 т. / под ред. Е. А. Суханова. — М.: Волтерс Клувер, 2011. — Т. 4 — 958 с.

[3] Сосна С. А. [и др.]. Франчайзинг: коммерческая концессия — М.: Академкнига, 2005. — 216 с.

[4] Еремин А. А. История становления и развития правового регулирования договора коммерческой концессии в России // История государства и права. — 2015. — № 2. — С. 13–17.

[5] Рыкова И. В. Дистрибуция, лицензирование, франчайзинг: некоторые вопросы современной практики // Торговое право. — 2012. — № 11. — С. 81–86.

[6] Райников А. С. Договор коммерческой концессии. — М.: Статут, 2009. — 199 с.

[7] Енина Д. С., Мохначева Д. В. Франчайзинг в авиации Российской Федерации // Транспортное право. — 2016. — № 2. — С. 14–16.

[8] Абова Т. Е., Андреева Л. В., Аникина Е. Б. [и др.]. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части второй): постатейный / под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина. — М.: Юрайт, 2003. — 976 с.

[9] Шоломова Е. В. Дистрибуторский договор: характеристика и регулирование // Пищевая промышленность: бухгалтерский учет и налогообложение. — 2011. — № 8. — С. 47–66.

[10] Лаптев Г. А. Практика применения договора коммерческой концессии в современной российской правовой действительности // Юрист. — 2014. — № 11. — С. 31–33.

*Максимов Виталий Алексеевич,
доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридической наук*

Работы и их результат как объекты гражданских прав

Действующее гражданское законодательство Российской Федерации в перечне объектов гражданских прав определяет именно результаты работ (ст. 128 ГК РФ), а не сами работы. Соответственно, и в современной цивилистической литературе в рассматриваемом аспекте в основном акцентируется внимание на результатах работ, хотя подчеркивается значение и работ как таковых. Насколько оправданным является подход законодателя к данному вопросу? Не стоит ли среди объектов гражданских прав называть именно работы, а не их результат, как это сделано в ст. 128 ГК РФ для сходного явления — услуг?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо определиться с самим цивилистическим понятием работ, их соотношением с результатом, а также с некоторыми смежными категориями. Традиционно в цивилистической доктрине понятие работ связывается с договорами подрядного типа, Это вполне логично, ведь именно договор подряда практически исчерпывает собой группу договоров о выполнении работ: все они построены по подрядной схеме, по генеральной модели подряда, в силу чего часто именуются в литературе «подрядоподобными» договорами [1, с. 7]. Поэтому не удивительно, что понятия работ и их результата в основном используются в теоретических наработках с целью точного определения предмета подрядного договора и его отграничения от смежных гражданско-правовых конструкций (преимущественно договоров купли-продажи и оказания услуг).

Уже в учении о предмете договора подряда мы сталкиваемся с большим разнообразием мнений, которые сводятся в основном к определению того, насколько корректно характеризовать этот

предмет через категорию работ, их результат или через то и другое одновременно [1, с. 13].

При этом содержание действующего гражданского законодательства Российской Федерации не дает существенных оснований для разграничения работ и их результата. Например, в ст. 702 ГК РФ в определении договора подряда вообще не упоминается о результате работ, однако уже в ст. 703 ГК РФ при конкретизации предмета этого договора речь идет не только об отдельных видах работ, но и об их результате. И о работах, и о результате говорится в других статьях § 1 гл. 37 ГК РФ (ст. 706, 709 и др.).

Сущность выполнения работ заключается именно в достижении результата: если его нет, то по общему правилу объем затраченного подрядчиком труда не имеет значения и оплата не осуществляется (исключения при этом немногочисленны и лишь подтверждают правило). Наряду с этим нормы гражданского законодательства не только содержат требования относительно результата работ, но и регулируют отношения сторон в процессе достижения этого результата, т. е. в процессе выполнения работы.

При этом нет никаких оснований считать, что договор о выполнении работ (в частности, договор подряда) имеет два предмета, ведь соглашение сторон касается комплекса факторов, которые рассматриваются сторонами в совокупности и неразрывном единстве. К тому же весьма спорным является утверждение о возможности существования в одном договоре более одного предмета. Необоснованной представляется и позиция, в рамках которой утверждается об альтернативности предмета договора подряда, поскольку это возможно только в альтернативном обязательстве (ст. 308.1 ГК РФ), которым в общем случае договор подряда не является.

Таким образом, воспринятая современным гражданским законодательством конструкция подряда указывает на то, что предмет соответствующего договора является унитарным и состоит из двух элементов: работы и ее результата. В свою очередь, указанное свидетельствует далеко не в пользу воплощенной в ГК РФ классификации объектов, которая искусственно отделяет результат работ от них самих.

Определяющим признаком, позволяющим квалифицировать деятельность исполнителя именно как работу, чаще всего признается наличие материализованного результата такой деятельности. Правда, понятие результата как такового, а также характеристика его материализованности не являются аксиоматическими и, в свою очередь, нуждаются в определении.

Результатом работ является созданная их исполнителем новая вещь, следствие обработки или переработки существующей вещи или наступление любых других материальных изменений во внешнем мире. Материальными в приведенном смысле следует считать такие изменения, которые являются овеществленными, т. е. заключаются в возникновении вещей, их изменении (в том числе изменении их физических и/или функциональных характеристик), прекращении физического существования вещей, изменении их расположения в пространстве (в том числе взаимного с другими вещами).

Материализованность результата работ сама собой подразумевает его отделенность от личности исполнителя, ведь, дав своим трудом завершенное материальное бытие чему-то новому во внешнем мире, исполнитель работ полностью выводит это «что-то» за пределы своего собственного бытия. При этом существенно, что ст. 702 ГК РФ не определяет среди признаков договора подряда выполнение работы из того или иного материала. Следовательно, работа может выполняться вообще без использования материалов, например ремонт оборудования, при котором не были использованы запасные части, рытье траншей и котлованов, перемещение груза, если такое перемещение не охватывается конструкцией перевозки, или иных вещей (так, в отдельных источниках со ссылкой на практику Верховного Суда РСФСР начала 1970-х гг. отмечается, что договор на прием и перегон судов по своей правовой природе является договором подряда) [2, с. 164–165], уборка помещений и мытье других поверхностей или конструкций, демонтаж строительных и других конструкций, полное уничтожение материальных объектов.

Приведенная характеристика материализованности результата работ заведомо исключает квалификацию именно как работ (а

договора, в рамках которого они выполняются, как договора подряда) деятельности исполнителя, которая хотя и предусматривает обязательность достижения результата, но сам этот результат не является вещественным, т. е. заключается в изменениях в идеальной (в частности, в правовой) составляющей объективной реальности. Так, например, очевидно не является выполнением работ деятельность адвоката по ведению дела в суде, даже если по условиям договора с клиентом гонорар подлежит оплате исключительно в случае решения дела в пользу клиента.

Нередки случаи, когда выполнение договора приводит к появлению определенного овеществленного результата, но сам по себе этот результат имеет вспомогательный характер и не является составной частью договора — той непосредственной правовой цели, которую преследовали стороны при его заключении. Типичным примером такого рода являются договоры, по которым исполнитель должен составить письменное заключение по какому-либо вопросу (правовое заключение, аудиторское заключение и т. п.): материальный результат при этом налицо (письменное заключение), но как таковой он особого значения не имеет, ведь для заказчика важно его содержание, а он-то как раз является информацией — явлением нематериальным и к вещам не относящимся.

На первый взгляд, такой вывод противоречит установившемуся подходу судебной практики, которая расценивает договоры на проведение технического диагностирования и обслуживания техники именно как договоры о выполнении работ, а также исключает возможность отнесения договоров на выполнение проектных и изыскательских работ к договорам подряда, что прямо противоречит как закону (§ 4 гл. 37 ГК РФ), так и общепринятому в цивилистической доктрине подходу к правовой природе договоров, опосредующих строительное и другое техническое проектирование. Однако противоречие здесь только кажущееся.

И техническое диагностирование, и подавляющее большинство других методов проверки качества материальных вещей, и выполнение проектных и изыскательских работ происходят в рамках деятельности, четко регламентированной определенными техническими нормами, при условии соблюдения которых любой исполни-

тель, имеющий надлежащую профессиональную подготовку, получит один и тот же результат, т. е. одну и ту же информацию о физических показателях существующей (техническое диагностирование, дефектоскопия, проверка другими методами, изыскательские работы) или будущей (проектные работы) материальной вещи.

Вместе с тем во многих сферах деятельность исполнителя или не касается физических показателей материальных вещей (в том числе получения информации о них), или априори не может быть выполнена по определенным четким правилам, что обуславливает существенный уровень творческого элемента в соответствующей деятельности, ставит под сомнение саму достижимость результата и влечет за собой в абсолютном большинстве случаев неидентичность даже достижимого результата, который будет получен различными исполнителями хотя бы и одного уровня квалификации.

В научной литературе в рассматриваемом аспекте акцентируется внимание на том, что все работы делятся на утилитарные (направленные на повторение результатов, которые уже кем-то достигались, технология получения и характеристики которых уже известны и достижимость которых несомненна) и эвристические (направленные на получение принципиально нового результата, в отношении которого нет сведений о том, что он уже кем-то достигался, и в достижимости которого нет абсолютной уверенности) [3, с. 423–424].

С указанным выводом можно вполне согласиться, но с одним уточнением: полученный результат даже утилитарных работ должен касаться материальных вещей, т. е. либо сам должен быть материальным в вышеупомянутом смысле, либо представлять собой информацию о физических показателях материальных вещей.

Обычно разграничение основного и вспомогательного результатов с целью квалификации деятельности по их достижению именно как работ дополняется указанием на то, что материальный результат выполненной работы должен иметь потребительскую ценность как таковой: как вещь, как следствие перемещения или уничтожения вещей и т. п. При этом совсем не обязательно, чтобы

подрядный результат был самостоятельным и оборотоспособным объектом гражданских правоотношений. Так, результат ремонта вещи является материальным, но самостоятельного бытия в отрыве от такой вещи не имеет, в силу чего как таковой не является оборотоспособным. Также необоротоспособны военное оружие и техника, но это не опровергает квалификацию как договора подряда, например, договора, по которому верфь обязуется построить военный корабль. Поэтому если результатом деятельности исполнителя хотя и является определенная материальная вещь, но ее ценность как результата работ заключается не в материальной форме, а в других факторах, то такую деятельность нельзя считать работами в гражданско-правовом смысле.

В цивилистической литературе часто отмечается, что работы связаны с достижением только такого материализованного результата, который является индивидуально определенным [2, с. 164; 4, с. 618]. Однако указанная позиция не может считаться правильной. Ничто в § 1 гл. 37 ГК РФ не дает оснований для такого вывода. Действительно, как правило, результат работ является индивидуализированным. Однако есть существенные исключения: в случае переработки сырья на давальческих условиях заказчику обычно передается продукция, определяемая родовыми признаками, но от этого такой договор не теряет признаков договора о выполнении работ (договора подряда). Поэтому признак индивидуальности результата может служить лишь вспомогательным квалификационным признаком соответствующей деятельности как работы и не может восприниматься как категорическое суждение, ведь он имеет слишком существенные исключения, для того чтобы быть общим правилом.

Следует также отметить, что даже сторонники концепции индивидуальной определенности результата работ допускают существенные отступления от указанного принципа. Так, в частности, в литературе отмечалось, что при изготовлении вещи из материалов должника договор будет подрядом только в случае, если изготавливается индивидуальная вещь, ибо в этом случае важен сам процесс ее изготовления; если же предмет сделки определен родовыми признаками, можно говорить о купле-продаже, поскольку должник не

лишен права приобрести вещи у третьих лиц; только в том случае, если стороны специально установили, что вещи изготавливаются лично должником, мы имеем дело с подрядом, ибо предмет договора получает индивидуализацию [5, с. 11–12].

Существенные возражения вызывает требование индивидуальной определенности подрядного результата и по той причине, что характеризоваться индивидуальной определенностью может лишь существующая вещь, а подрядный результат в абсолютном большинстве случаев на момент заключения соответствующего договора еще не существует, поскольку еще должен быть создан подрядчиком [6, с. 59–60, 76].

Однако абсолютизация и этого подхода представляется недопустимой, ибо может привести к откровенно неправильным выводам. Так, в частности, иногда отмечается, что результат работ не должен существовать на момент заключения соответствующего договора об их выполнении: в противном случае такой договор независимо от его содержания следует квалифицировать как договор купли-продажи [7]. Вместе с тем вряд ли правильно выделять такой признак результата работ. С одной стороны, в качестве критерия квалификации подрядного договора и его отграничения от договора купли-продажи указанная характеристика результата работ ничего не дает, ведь договор поставки, который в современных гражданско-правовых кодификациях однозначно признается разновидностью договора купли-продажи, также в основном имеет предмет, который на момент заключения договора физически не существует (да и в общей конструкции договора купли-продажи не является аномалией его заключение относительно предмета, который будет создан или приобретен продавцом в будущем). С другой стороны, из двух элементов предмета договора подряда (работа и ее результат) первый является второстепенным, подчиненным второму, в силу чего при наличии надлежащего подрядного результата способ его получения подрядчиком становится юридически иррелевантным, если только является правомерным. Хотелось отдельно подчеркнуть, что именно становится юридически иррелевантным с момента достижения подрядного

результата и принятия его заказчиком, а не является таковым изначально, как в договоре поставки.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что деятельность исполнителя является работой во всех случаях, когда ее результат одновременно характеризуется следующими признаками:

1) является априорно достижимым вне всякого разумного сомнения (в том числе по определенным техническим правилам и процедурам);

2) имеет материализованную форму;

3) является основным элементом каузы соответствующего договора;

4) его потребительская ценность заключается непосредственно в возможности использования этого результата именно как материальной вещи (в том числе с измененными характеристиками), как отсутствия материальной вещи, как информации о физических показателях материальной вещи или как следствия изменения пространственной ориентации материальных вещей.

При этом сам по себе результат в отрыве от работ, выполнение которых приводит к его появлению, не может быть охарактеризован как специфический объект гражданских прав. Поэтому теоретически правильным и практически существенным является акцент на неразрывном единстве работ (как деятельности лица по достижению самостоятельного материализованного результата) и самого этого результата. Только при таких условиях результаты работ приобретают бытие в системе объектов гражданских прав и не могут быть растворены в категории вещей.

Библиографический список

[1] Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. — М.: Статут, 2002. — Кн. 3: Договоры о выполнении работ и оказании услуг.

[2] Советское гражданское право: учебник: в 2 ч. / под ред. В. А. Рясенцева. — М.: Юрид. лит., 1987. — Ч. 2.

[3] Белов В. А. Гражданское право: Общая часть: учебник. — М.: Юрайт, 2011. — Т. 2: Лица, блага, факты.

[4] Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов — 3-е изд. — М.: Волтерс Клувер, 2007. — Т. 3: Обязательственное право.

[5] Агарков М. М. Подряд (текст и комментарий к статьям 220–235 ГК РСФСР). — М., 1924.

[6] Васильев Г. С., Рыбалов А. О. Различие договоров подряда и купли-продажи: обсуждаем проблему // Правоведение. — 2005. — № 1.

[7] Романец Ю. В. Разграничение договоров подряда и купли-продажи // Законодательство. — 1999. — № 9.

УДК 347

*Порохов Михаил Юрьевич,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент*

К вопросу оспаривания подозрительных сделок в рамках дела о банкротстве

С 1 октября 2015 г. в связи с вступлением в силу соответствующих изменений законодательства Российской Федерации о банкротстве появился новый механизм в регулировании гражданско-правовых отношений между гражданами-должниками и кредиторами.

По смыслу закона о банкротстве банкротство граждан является механизмом нахождения компромисса между должником, обязанным и стремящимся исполнять свои обязательства, но испытывающим в этом объективные затруднения, и его кредиторами, а не способом безответственного и легкого для должника избавления от

накопленных долгов. Вместе с тем в преддверии банкротства должники нередко прибегают к различным способам сокрытия имущества и активов, в том числе путем отчуждения собственности с существенным занижением покупной цены. Институт признания недействительными сделок, совершенных в период подозрения, направлен на предотвращение негативных последствий таких действий.

При рассмотрении вопроса о признании сделки недействительной в рамках процедуры банкротства судом должно быть установлено, обладал ли должник на момент совершения сделки признаками неплатежеспособности и недостаточности имущества, имело ли место фактическое исполнение сделки сторонами, а также повлекло ли выбытие из владения должника спорного имущества нарушение прав кредиторов.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что отсутствие у должника признаков неплатежеспособности на момент совершения сделки не исключает возможности ее оспаривания по правилам п. 1 ст. 10, п. 1, 2 ст. 168 ГК РФ, однако не позволяет признать ее недействительной по основаниям п. 2 ст. 61.2 федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Так, ст. 10 ГК РФ установлен запрет на осуществление гражданских прав с намерением причинить вред другому лицу. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» закреплено, что в случае нарушения запрета, установленного п. 1 ст. 10 ГК РФ, путем совершения сделки в зависимости от обстоятельств дела такая сделка должна быть признана недействительной либо по основаниям ст. 10 и п. 1 или 2 ст. 168 ГК РФ, либо по специальным основаниям недействительности в случае прямого указания на то закона [1].

Согласно п. 2 ст. 61.2 закона о банкротстве, специальным основанием недействительности сделки, совершенной должником в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов, является определение временного промежутка, а также цель ее совер-

шения. Так, сделка, состоявшаяся в течение трех лет до принятия заявления о признании должника банкротом или после принятия указанного заявления, при условии что в результате ее совершения был причинен вред имущественным правам кредиторов, подпадает под оспаривание по основаниям вышеуказанной статьи в случае обязательной осведомленности стороны сделки о противоправном характере действий другой стороны, существовавшем на момент ее совершения (подозрительная сделка).

В п. 5 постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» (далее: постановление Пленума № 63) содержатся разъяснения, суть которых состоит в том, что для признания сделки недействительной по данному основанию необходимо, чтобы оспаривающее сделку лицо доказало наличие совокупности следующих обстоятельств: а) сделка была совершена с целью причинить вред имущественным правам кредиторов; б) в результате совершения сделки был причинен вред имущественным правам кредиторов; в) другая сторона сделки знала или должна была знать об указанной цели должника к моменту совершения сделки [2]. Вместе с тем постановлением Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 февраля 2017 г. по делу № А35-5432/2015 разъяснен порядок применения нормы абз. 1 п. 2 ст. 61.2 закона о банкротстве в части осведомленности стороны сделки о намерениях должника. Так, судом указано, что само по себе размещение в картотеке арбитражных дел информации о возбуждении дела о банкротстве должника не означает, что все кредиторы должны знать об этом [3].

В силу абз. 2–5 п. 2 ст. 61.2 закона о банкротстве презюмирование намеренного причинения вреда имущественным правам кредиторов действиями должника имеет место при наличии совокупности нескольких оснований: а) если на момент совершения сделки должник отвечал признакам неплатежеспособности или недостаточности имущества; б) имеется хотя бы одно из других обстоятельств, предусмотренных абз. 2–5 п. 2 ст. 61.2 закона о банкротстве. При этом установленные указанными нормами презумп-

ции являются опровержимыми, т. е. могут быть оспорены заинтересованной стороной сделки.

Буквальное толкование положений действующего законодательства, а также разъяснений Верховного Суда РФ оставляет неясность в том, исключает ли возможность признания сделки недействительной по основаниям п. 2 ст. 61.2 закона о банкротстве отсутствие у должника признаков неплатежеспособности либо только лишает истца права ссылаться на опровержимую презумпцию совершения должником такой сделки в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов, предполагая свободу доказывания указанного признака иными средствами.

Анализ примеров судебной практики приводит к выводу, что отсутствие признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества должника на момент совершения оспариваемых сделок не позволяет признать их недействительными на основании ст. 61.2 закона о банкротстве. Фактически этот признак является необходимым элементом состава недействительности сделки: совершение сделки с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов[4; 5; 6].

Основаниями для оспаривания неравноценных сделок должника являются объективные по своей природе обстоятельства: время совершения сделок относительно даты возбуждения в отношении должника дела о банкротстве, а также условия сделки, которые свидетельствуют о ее неравноценности для должника.

Разъяснение порядка оспаривания сделок должника дано в постановлении Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 30 апреля 2009 г. № 32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом “О несостоятельности (банкротстве)”». Так, сделки, по отчуждению имущества третьим лицам по заведомо заниженной цене, совершенные должником до и после возбуждения дела о банкротстве и преследующие нарушение прав и законных интересов кредиторов путем уменьшения конкурсной массы, могут быть признаны недействительными по требованию арбитражного управляющего или кредитора в рамках процедуры банкротства должника [7].

Судебная практика наиболее часто имеет дело с оспариванием сделок купли-продажи, дарения имущества, в том числе недвижимого, долей в обществах в пользу родственников или иных заинтересованных лиц, купли-продажи имущества по заведомо заниженной цене, совершенных физическими лицами. При этом под заинтересованными лицами в данной норме закона понимаются лица, являющиеся заинтересованными по отношению к должнику и признаваемые таковыми на основании п. 1, 2 ст. 19 закона.

Вместе с тем совершение сделки в отношении заинтересованного лица при отсутствии доказательств ее безвозмездности либо неравноценного встречного предоставления само по себе не является основанием для признания сделки недействительной на основании п. 2 ст. 61.2 закона о банкротстве. Так, например, при рассмотрении дела № А22-217/2015 о признании недействительным договора купли-продажи квартиры и применении последствий недействительности сделки Арбитражным судом Республики Калмыкия было отказано в удовлетворении заявления в связи с отсутствием доказательств причинения вреда кредиторам оспариваемой сделкой. При этом судом указано, что квартира не подлежала включению в конкурсную массу должника как общее имущество, на которое не может быть обращено взыскание в соответствии с гражданским процессуальным законодательством, поскольку квартира являлась единственным жильем [8].

Таким образом, на основании вышеизложенного предполагается необходимым конкретизировать, в полном ли объеме исключается возможность признания сделки недействительной по основаниям п. 2 ст. 61.2 закона о банкротстве в случае отсутствия у должника признаков неплатежеспособности на момент совершения сделки, а также уточнить, в отношении какого имущества, отчуждаемого должником, не подлежат применению положения закона о признании сделок недействительными, при условии что формально они подпадают под категорию подозрительных.

Библиографический список

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. — 2015. — № 140, 30июня.

[2] Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 г. № 63 (в ред. от 30.07.2013) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» // Вестн. ВАС РФ. — 2011. — № 3, март.

[3] Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.02.2017 г. № 19АП-8176/2016 по делу № А35-5432/2015 // СПС «Гарант».

[4] Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 17.05.2016 г. № Ф02-2275/2016 по делу № А19-16367/2014 // СПС «Гарант».

[5] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 07.03.2017 г. № Ф04-176/2017 по делу № А70-12128/2015 // СПС «Гарант».

[6] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 06.02.2017 г. № Ф07-13216/2016 по делу № А42-7251/2014 // СПС «Гарант».

[7] Постановление Пленума ВАС РФ от 30.04.2009 г. № 32 (в ред. от 30.07.2013) «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом “О несостоятельности (банкротстве)”» // Вестн. ВАС РФ. — 2009. — № 7, июль.

[8] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 03.05.2017 г. № Ф08-2396/2017 по делу № А22-217/2015 // СПС «Консультант Плюс».

*Дорофеева Светлана Николаевна,
старший преподаватель кафедры гражданского права
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Исполнение требований неимущественного характера на примере административного приостановления деятельности должника

Действующее в Российской Федерации законодательство предоставляет участникам гражданского оборота обширный инструментарий, в рамках которого они могут выбрать эффективные средства правовой защиты своих нарушенных или оспариваемых прав.

На реализацию конституционного права на судебную защиту направлено и законодательство об исполнительном производстве, в котором содержатся в том числе нормы, регулирующие порядок исполнения решений судебных органов о возложении на должника неимущественных обязанностей.

Основная отличительная особенность данной группы исполнительных производств заключается в том, что если при исполнении исполнительных документов имущественного характера главной целью судебного пристава-исполнителя является нахождение имущества должника и обращение на него взыскания, то при исполнении требований неимущественного характера речь идет о необходимости совершения должником определенных действий или необходимости воздержаться от совершения определенных действий. При этом судебный пристав-исполнитель должен по общему правилу обеспечить исполнение исполнительного документа самим должником [1, с. 280].

К данной категории исполнительных производств относится и исполнение содержащегося в исполнительном документе требования об административном приостановлении деятельности должника.

Следует отметить, что административное приостановление деятельности относится к числу суровых административных наказаний и является формой государственного принуждения в отношении лица за совершенное правонарушение [2, с. 541].

Исполнительным документом по данной категории исполнительных производств является постановление судьи, а порядок исполнения содержащегося в исполнительном документе требования об административном приостановлении деятельности должника регулируется ст. 109 федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (в ред. от 14.11.2017) «Об исполнительном производстве» [3].

Возбуждение исполнительного производства осуществляется с учетом того, что, согласно ч. 1 ст. 32.12 КоАП РФ, указанный исполнительный документ подлежит немедленному исполнению [4], а соответственно, в силу требований п. 5 ч. 14 ст. 30 закона «Об исполнительном производстве» срок для добровольного исполнения исполнительного документа судебным приставом-исполнителем не устанавливается, в самом постановлении о возбуждении исполнительного производства судебный пристав-исполнитель предлагает должнику приостановить деятельность в течение суток с момента получения должником копии постановления судебного пристава-исполнителя о возбуждении исполнительного производства.

В рамках исполнения содержащегося в исполнительном документе требования об административном приостановлении деятельности судебный пристав-исполнитель производит наложение пломб, опечатывание помещений, мест хранения товаров и иных материальных ценностей, касс должника, а также применяет другие меры по административному приостановлению деятельности должника.

Важной гарантией стабильности собственно производственной деятельности, а также общественных интересов следует признать норму закона о том, что судебный пристав-исполнитель не вправе применять меры, влекущие необратимые последствия для производственного процесса, а также для функционирования и сохранности объектов жизнеобеспечения.

Как показывает правоприменительная практика, признание незаконными действий судебного пристава-исполнителя по данной категории исполнительных производств не редкость, поскольку принимаемые приставами-исполнителями меры создают непреодолимые препятствия для устранения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения должника к административной ответственности и досрочного прекращения административного приостановления деятельности.

Так, в одном из судебных дел, рассмотренных судами первой и второй инстанции, акционерное общество «ПО «Полимер»» постановлением Щекинского районного суда Тульской области от 30 декабря 2013 г. было привлечено к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях с назначением наказания в виде административного приостановления деятельности по соответствующему адресу на срок девяносто суток.

Судебным приставом-исполнителем на основании постановления суда возбуждено исполнительное производство и проведены исполнительные действия: опечатаны помещения должника.

Оспаривая в судебном порядке действия судебного пристава-исполнителя, должник указал на то, что принятые в рамках исполнительного производства меры создают непреодолимые препятствия для устранения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения общества к административной ответственности, поскольку помимо производственных помещений ЗАО «Полимер»» также опечатаны помещения бухгалтерии и генерального директора, где находится разрешительная и иная документация, необходимая для получения разрешения на выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, что не отвечает целям административного наказания. Кроме того, действия судебного пристава-исполнителя по опечатыванию действующей газовой котельной, производственного цеха, в котором расположен узел учета потребления газа и воды, а также питающий водопровод, электрические распределительные шкафы, блок управления системой пожаротушения и газовой сигнализацией ставят под угрозу жизнь и здоровье

проживающих в близости граждан и могут нанести ЗАО «ПО «Полимер»» крупный ущерб в случае аварии.

На основании материалов дела и пояснений специалистов суд установил, что в соответствии с федеральным законом № 116-ФЗ от 21 июля 1997 г. «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» газовая котельная относится к опасным объектам. Соответственно, необходимо обеспечить в любое время суток беспрепятственный доступ в помещение котельной двух лиц (лица, ответственного за газовое хозяйство, и слесаря контрольно-измерительных приборов и автоматики). При условии работы газовой котельной в опечатанном помещении может перегреться предохранитель, в силу чего произойдет отключение котельной, котлы потухнут и насос будет гонять воду, пока она не замерзнет. Возможно также отключение электроэнергии. В таком случае остановится насос, котлы отключатся, все замерзнет, что приведет к размораживанию системы и ее разрыву. С учетом изложенного действия судебного пристава-исполнителя по опечатыванию и опломбированию помещения газовой котельной без остановки ее работы были признаны незаконными, поскольку данные действия могут повлечь необратимые последствия для производственного процесса, что не соответствует требованиям ст. 109 федерального закона «Об исполнительном производстве» [5].

Следует отметить, что срок административного приостановления деятельности исчисляется с момента фактического приостановления деятельности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, юридических лиц, их филиалов, представительств, структурных подразделений, производственных участков, а также эксплуатации агрегатов, объектов, зданий или сооружений, осуществления отдельных видов деятельности (работ), оказания услуг.

При этом в обязанность судебного пристава-исполнителя вменяется осуществление контроля за исполнением должником требований судебного акта в период всего срока административного приостановления деятельности.

В случае возобновления должником деятельности до окончания срока ее административного приостановления судебный при-

став-исполнитель вправе применить к должнику меры, предусмотренные КоАП РФ, и составить в отношении должника протокол об административном правонарушении в соответствии с КоАП РФ.

Как показывает правоприменительная практика, основанием для оспаривания действий судебных приставов-исполнителей по данной категории исполнительных производств являются и допущенные ими нарушения в исчислении срока административного приостановления деятельности, поскольку такие действия не соответствуют закону и нарушают права и интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Так, Арбитражным судом Санкт-Петербурга и Ленинградской области в рамках рассмотренного судебного спора было установлено, что 16 августа 2013 г. в отношении ООО «Галера» Управлением Роспотребнадзора по Санкт-Петербургу составлен протокол № 78-04-08/649 о временном запрете деятельности общества, связанной с эксплуатацией нежилого помещения, находящегося по адресу: Санкт-Петербург, ул. Маяковского, д. 1/96, лит. А, пом. 21-Н (время фактического прекращения деятельности 10 час. 00 мин. 17 августа 2013 г.).

6 сентября 2013 г. Ленинским районным судом Санкт-Петербурга было вынесено постановление по делу № 5-239/13 об административном правонарушении, согласно которому ООО «Галера» признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.4 КоАП РФ, и подвергнуто наказанию в виде приостановления деятельности, связанной с эксплуатацией помещения 21-Н, д. 1/96 лит. А по ул. Маяковского, занимаемого ООО «Галера», на срок 45 (сорок пять) суток (срок отбытия наказания исчислять с 10 часов 00 минут 17 августа 2013 г.).

Судебным приставом-исполнителем МОСП по ИОИП УФССП России по Санкт-Петербургу на основании исполнительного документа — постановления Ленинского районного суда Санкт-Петербурга от 6 сентября 2013 г. по делу № 5-293/13 12 сентября 2013 г. было возбуждено исполнительное производство в отношении вышеуказанного должника и 13 сентября 2013 г. осуществлен выход в адрес по месту нахождения общества с целью провер-

ки исполнения постановления по делу № 5-239/13 об административном правонарушении. В связи с установлением нарушения запрета на приостановление деятельности судебным приставом-исполнителем помещения были опечатаны повторно.

3 октября 2013 г. судебным приставом-исполнителем повторно осуществлен выход в адрес и также произведены исполнительные действия по приостановлению деятельности общества: опечатаны помещение и кассы, составлен акт об административном приостановлении деятельности. Срок административного приостановления деятельности следовало исчислять с момента составления указанного акта.

Заявляя требования о признании незаконными действий судебного пристава-исполнителя, совершенных 3 октября 2013 г., общество ссылалось на то, что административное приостановление деятельности общества началось с момента возбуждения судебным приставом-исполнителем исполнительного производства, т. е. с 12 сентября 2013 г., и действовало до 10 час. 00 мин. 1 октября 2013 г. (срок с 17августа 2013 г. по 12 сентября 2013 г. в количестве 27 дней подлежал включению в срок административного приостановления деятельности на 45 суток). Соответственно, после 1 октября 2013 г. судебный пристав-исполнитель должен был вынести постановление об окончании исполнительного производства в связи с окончанием административного наказания в виде административного приостановления деятельности общества, а не принимать 3 октября 2013 г. меры по приостановлению деятельности общества с составлением акта об административном приостановлении деятельности.

Ссылаясь на ст. 27.17 КоАП РФ, в силу требований которой срок временного запрета деятельности исчисляется с момента фактического прекращения деятельности филиалов, представительств, структурных подразделений юридического лица, производственных участков, а также эксплуатации агрегатов, объектов, зданий или сооружений, осуществления отдельных видов деятельности (работ), оказания услуг, и на ч. 5 ст. 29.6 КоАП РФ, указывающую на то, что срок временного запрета деятельности засчитывается в срок административного приостановления дея-

тельности, суд первой инстанции удовлетворил требования заявителя, мотивируя свое решение тем, что, поскольку 16 августа 2013 г. осуществлен временный запрет деятельности в рамках производства по данному делу об административном правонарушении, срок административного приостановления деятельности по настоящему делу об административном правонарушении подлежит исчислению с момента фактического приостановления деятельности общества.

Судом было установлено, что административное приостановление деятельности общества началось с момента возбуждения судебным приставом-исполнителем исполнительного производства, т. е. с 12 сентября 2013 г., и действовало до 10 час. 00 мин. 1 октября 2013 г. (срок с 17 августа 2013 г. по 12 сентября 2013 г. в количестве 27 дней подлежал включению в срок административного приостановления деятельности на 45 суток).

После 1 октября 2013 г. судебный пристав-исполнитель должен был вынести постановление об окончании исполнительного производства в связи с окончанием административного наказания в виде административного приостановления деятельности общества, поскольку ни административным, ни исполнительным законодательством не предусмотрено автоматическое продление установленного судом срока административного приостановления деятельности в случае выявления судебным приставом-исполнителем факта неисполнения должником исполнительного документа, равно как не предусмотрена законодательством и возможность перерыва в течение срока административного приостановления деятельности в случае неисполнения должником исполнительного документа [6].

Затронутые в данной статье вопросы свидетельствуют о необходимости создания единой позиции по данной категории дел, поскольку соблюдение процессуальных правил исполнения требований об административном приостановлении деятельности должника будет способствовать тому, что реализация этого вида административного наказания станет более целенаправленной, законной и обоснованной.

Библиографический список

[1] Гуреев В. А., Гущин В. В. Исполнительное производство: учебник. — 4-е изд., испр. и доп. — М., 2014. — С. 280.

[2] Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: учебник для вузов. — 2-е изд., изм. и доп. — М., 2005. — С. 541.

[3] Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. — 2007. — № 41. — Ст. 4849.

[4] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. — 2002. — № 1. — Ст. 1.

[5] Апелляционное определение Тульского областного суда от 17 апр. 2014 г. по делу № 33-975 // СПС «Консультант Плюс».

[6] Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 марта 2013 г. по делу № А56-61534/2013 // СПС «Консультант Плюс».

УДК 347.6

*Измайлов Виталий Викторович,
председатель Центральной окружной коллегии
адвокатов г. Москвы,
соискатель кафедры гражданского
и предпринимательского права
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Правовые последствия прекращения брака

О. А. Рузакова, как и многие авторы, отмечает, что расторжение брака влечет за собой прекращение личных и имущественных правоотношений супругов [1, с. 35]. Однако не все цивили-

листы столь же категоричны насчет прекращения всего объема правоотношений между бывшими супругами после расторжения брака.

В частности, О. Л. Тимшина полагает, что «отдельные правоотношения между бывшими супругами продолжают существовать, хотя, конечно же, в иной форме» [2, с. 42]. С точкой зрения названного автора следует согласиться в связи с нижеследующим.

Ряд авторов отмечают, что «расторжение брака, прекращающее правоотношения между супругами, не влечет за собой прекращение правоотношений между родителями и детьми» [3, с. 16].

В связи с указанным необходимо отметить положение ст. 80 Семейного кодекса РФ (далее: СК РФ) [4], которое устанавливает «обязанность родителей по содержанию несовершеннолетних детей», причем в указанной норме нет разделения обязанностей родителей в зависимости от наличия или отсутствия зарегистрированного брака.

Статья 92 СК РФ предусматривает основания для освобождения супруга от обязанности по содержанию другого супруга или ограничение этой обязанности.

Названной статьей устанавливается один из способов защиты имущественных интересов алиментнообязанного супруга. При наличии хотя бы одного из оснований, предусмотренных данной статьей, суд вправе освободить супруга от обязанности по содержанию другого супруга или ограничить эту обязанность определенным сроком как в период брака, так и после его расторжения. При этом суд может решить вопрос об освобождении от уплаты алиментов или об ограничении этой обязанности определенным сроком как при предъявлении иска об уплате алиментов, так и в тех случаях, когда алименты ранее уже были взысканы.

Применение или неприменение указанного способа защиты — право, а не обязанность суда. С учетом конкретной ситуации суд может взыскать алименты и при существовании обстоятельств, обозначенных в комментируемой статье. В этой связи большое значение имеет исследование судом обстоятельств, на-

личие которых (или одного из них) дает ему право принять подобное решение. В каждом конкретном случае указанные обстоятельства принимаются во внимание и оцениваются судом беспристрастно, всесторонне, в совокупности с другими обстоятельствами дела. И только с учетом наличия и результатов оценки доказательств, свидетельствующих о непродолжительном сроке пребывания супругов в браке или о недостойном (в том числе аморальном) поведении в семье супруга, требующего уплаты алиментов, либо о причинах наступления нетрудоспособности супруга, суд может освободить супруга (бывшего супруга)-ответчика от алиментной обязанности в отношении нетрудоспособного, нуждающегося в помощи супруга (бывшего супруга) или ограничить эту обязанность определенным сроком [5, с. 16].

Из смысла исследуемой статьи следует, что установленные ею обстоятельства в равной мере относятся как к случаям освобождения супруга от обязанности содержать другого супруга, так и к случаям ограничения этой обязанности определенным сроком. Закон не уточняет, в каких случаях суд может освободить обязанного супруга от уплаты алиментов, а в каких — ограничить эту обязанность определенным сроком. Решение этого вопроса также зависит от усмотрения суда и принимается с учетом заявленного требования супруга (бывшего супруга)-ответчика [6, с. 217].

Существует ряд оснований для освобождения супруга от обязанности по содержанию другого супруга или ограничения этой обязанности.

1. Наступление нетрудоспособности нуждающегося супруга в результате злоупотребления спиртными напитками, наркотическими веществами или в результате совершения им умышленного преступления. В данном случае закон принимает во внимание причину наступления нетрудоспособности: виновное, противоречащее нормам морали и права поведение управомоченного лица. Супруг не обязан содержать того супруга, который своими не одобряемыми обществом действиями способствовал возникновению своей нетрудоспособности. Судом должна быть установлена причинно-следственная связь между нетрудоспособностью с одной стороны и злоупотреблением спиртными напитками или наркотическими

средствами, а также совершением умышленного преступления — с другой. Наступление нетрудоспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками, наркотическими средствами должно быть подтверждено соответствующим медицинским заключением, а совершение умышленного преступления — приговором суда, вступившим в законную силу. Как представляется, наступила ли нетрудоспособность до брака, в период брака или после его расторжения при принятии решения об освобождении от алиментной обязанности или об ограничении ее определенным сроком значения не имеет;

2. Непродолжительность пребывания супругов в браке. Ограничение или прекращение алиментной обязанности в случае непродолжительности брака связано с тем, что основанием алиментной обязанности бывших супругов является та семейная связь, которая создавалась между ними в течение брака. В случае непродолжительного брака эта связь практически не успела возникнуть — следовательно, оснований для возложения на одного из супругов обязанности содержать другого супруга в течение неограниченного времени нет. Вопрос о том, был ли брак продолжительным, может возникнуть лишь после его расторжения, поскольку, если он не расторгнут, нельзя судить о том, сколько времени он может продлиться, если иск о взыскании алиментов предъявлен во время брака [7, с. 114].

Критерии непродолжительности брака в законе не обозначены. Это типичная оценочная категория. Является ли срок пребывания супругов в браке непродолжительным, решается судом самостоятельно в каждом конкретном случае. Значение могут иметь возраст супругов, время совместного проживания и другие обстоятельства. По мнению большинства специалистов и по сложившейся практике, непродолжительным принято считать брак сроком до пяти лет. Безусловно, следует считать непродолжительным брак, существовавший менее одного года. В этом случае чаще всего имеются основания для отказа во взыскании алиментов. При существовании брака от одного года до пяти лет более целесообразно ограничение алиментной обязанности сроком, соизмеримым со сроком существования брака [8, с. 89].

3. Недостойное поведение супруга, требующего выплаты алиментов. Закон не раскрывает понятие недостойного поведения супруга, не определяет его продолжительность. Недостойное поведение — это поведение, не соответствующее правовым нормам, нормам морали и нравственности.

При определении критериев недостойного поведения может быть использовано разъяснение п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 октября 1996 г. № 9, данное применительно к п. 2 ст. 119 СК РФ: «Как недостойное поведение, которое может служить основанием к отказу во взыскании алиментов, в частности, может рассматриваться злоупотребление истцом спиртными напитками или наркотическими средствами, жестокое отношение к членам семьи, иное аморальное поведение в семье (бывшей семье)» [9].

Буквальное толкование исследуемой статьи приводит к выводу, что предусмотренные в ней правила освобождения от уплаты алиментов или ограничения обязанности по их выплате определенным сроком применяются только к требованию о взыскании алиментов в пользу нетрудоспособного, нуждающегося в помощи супруга и неприменимы к требованиям супруга о взыскании алиментов с другого супруга (бывшего супруга) по иным основаниям (к требованию жены (бывшей жены) в период беременности и в течение трех лет с момента рождения ребенка, а также нуждающегося супруга (бывшего супруга), осуществляющего уход за ребенком-инвалидом до 18 лет или ребенком — инвалидом с детства I группы).

Суд вправе освободить супруга от уплаты алиментов в пользу другого совершеннолетнего дееспособного супруга, несмотря на его нетрудоспособность и нуждаемость в помощи, по основаниям, предусмотренным в п. 2 ст. 119 СК РФ: если судом будет установлено, что этот супруг совершил в отношении лица, обязанного уплачивать алименты, умышленное преступление, или в случае его недостойного поведения в семье [10, с. 75].

При отсутствии алиментного соглашения вопрос о выплате алиментов супругу может быть решен в судебном порядке как непосредственно при расторжении брака, так и впоследствии по тре-

бованию бывшего супруга, имеющего право на получение алиментов [11, с. 8].

Также, следует отметить, что прекращение брака не влияет на положение ст. 87 СК РФ, согласно которому совершеннолетние дети обязаны содержать нетрудоспособных родителей и заботиться о них.

О. Л. Тимшина отмечает, что «правовые последствия расторжения брака наступают независимо от того, в каком порядке расторгнут брак — в судебном или в органах загс, и состоят в прекращении на будущее время личных и имущественных правоотношений, существовавших между супругами во время брака. При этом одни правоотношения прекращаются сразу после развода, другие могут быть сохранены либо по желанию супруга» [2, с. 44].

В соответствии со ст. 32 СК РФ в случае расторжения брака супруги вправе сохранить общую фамилию или восстановить свои добрачные фамилии.

В указанной норме законодатель использует слово «супруги», причем речь идет о каждом из супругов. В данном контексте правильнее вести речь о «бывших супругах».

Данные рассуждения позволяют говорить о необходимости изложения п. 3 ст. 32 СК РФ в новой редакции: «В случае расторжения брака каждый из бывших супругов имеет право сохранить общую фамилию или восстановить свои добрачные фамилии».

С расторжением брака супругами утрачиваются и права, предусмотренные иными отраслями права: право на получение наследства по закону после смерти бывшего супруга; право на пенсионное обеспечение в связи с потерей супруга по установленным законом основаниям и др.

Все, что приобретают супруги с момента вступления решения суда в законную силу, является их раздельной собственностью. Для совершения сделок с недвижимым имуществом, в том числе по приобретению недвижимости, нотариально удостоверенного согласия другого супруга не требуется.

Как правило, супруги производят раздел имущества, нажитого в период брака, по взаимному согласию либо по решению суда [12, с. 19].

С расторжением брака перестает действовать законный режим имущества супругов, т. е. режим их общей совместной собственности, но при условии, что супруги разделили совместно нажитое в браке имущество. Если супруги не разделили общее имущество, то и после развода оно продолжает оставаться общим. Как верно отметила А. А. Расторгуева, «сам по себе развод без раздела имущества не может превратить общую совместную собственность супругов в долевую или раздельную собственность. К требованиям разведенных супругов о разделе общего имущества применяется трехлетний срок исковой давности» [13, с. 9].

Обобщая вышеизложенное, следует заключить, что с расторжением брака супругами утрачиваются права, предусмотренные иными отраслями права: право на получение наследства по закону после смерти бывшего супруга; право на пенсионное обеспечение в связи с потерей супруга по установленным законом основаниям и др. Расторжение брака, прекращающее правоотношения между супругами, не влечет за собой прекращение правоотношений между родителями и детьми. Правовые последствия расторжения брака наступают независимо от того, в каком порядке расторгнут брак — в судебном или в органах загс.

Расторжение брака влечет за собой прекращение личных и имущественных правоотношений супругов, однако отдельные правоотношения между бывшими супругами продолжают существовать в иной форме.

Библиографический список

[1] Рузакова О. А. Семейное право: учебник / под ред. Е. В. Алферова. — М.: Эксмо, 2010. — 376 с.

[2] Тимшина О. Л. Правовые последствия прекращения брака в сфере личных неимущественных отношений между бывшими супругами // Гражданское право. — 2009. — № 2. — С. 42–47.

[3] Итяшева И. А., Стражевич Ю. Н., Слепко Т. Е. Правовые проблемы реализации конституционной обязанности родителей по воспитанию детей в случае расторжения брака // Вопросы ювенальной юстиции. — 2013. — № 5. — С. 16–19.

[4] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (в ред. № 94-ФЗ от 01.05.2017) // СЗ РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16; 2017. — № 18. — Ст. 2671.

[5] Косяков А. Ю. Правоприменение императивных норм общей части семейного права // Российский судья. — 2011. — № 7. — С. 16–18.

[6] Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / под ред. О. Н. Низамиевой. — М.: Проспект, 2010. — 432 с.

[7] Королев Ю. А. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. — М.: Юстицинформ, 2003. — 162 с.

[8] Вишнякова А. В. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Контакт, 2011. — 288 с.

[9] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.10.1996 г. № 9 «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов» (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ № 6 от 06.02.2007) // Российская газета. — 1996. — № 212, 5 нояб.; Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2007. — № 5, май.

[10] Егорова О. А., Беспалов Ю. Ф. Настольная книга судьи по семейным делам: учеб.-практ. пособие. — М.: Проспект, 2013. — 240 с.

[11] Шеменова О. Н. Последствия заключения соглашения об уплате алиментов: процессуальный аспект // Семейное и жилищное право. — 2012. — № 2. — С. 8–11.

[12] Бычков А. В. Раздел имущества, нажитого в гражданском браке // ЭЖ-Юрист. — 2012. — № 15. — С. 19–22.

[13] Расторгуева А. А. Некоторые особенности определения долей при разделе общего имущества супругов // Нотариус. — 2012. — № 1. — С. 9–11.

*Желонкин Сергей Сергеевич,
заместитель начальника кафедры гражданского права
и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент*

Реверсивные подходы в практике реализации преимущественного права покупки доли в праве общей собственности

На современном этапе развития нашего государства важнейшим принципом современного гражданского права является принцип юридического равенства участников гражданских правоотношений. Содержание данного принципа заключается в обеспечении отечественного правопорядка, в равном положении участников имущественного оборота и отсутствии у кого-либо из них преимуществ при осуществлении гражданских прав и обязанностей. Однако в некоторых случаях закон допускает определенные изъятия из принципа равенства участников гражданских правоотношений, наделяя одних участников гражданского оборота исключительными правами по отношению к другим, закрепляя тем самым юридическое превосходство. В теории права такие права получили название преимущественных.

Из всего многообразия преимущественных прав, которые существуют в настоящее время [1], наиболее распространенным и первым исторически сложившимся является преимущественное право покупки доли в праве общей собственности. По своей сути это ограничение собственника по распоряжению имуществом по своему усмотрению в связи с необходимостью соблюдения преимущественного права лица, прямо поименованного в законе, на приобретение такого имущества [2].

В соответствии с общими правилами о преимущественном праве покупки собственник, желающий продать имущество третьему лицу, должен предложить лицу, обладающему преимуществен-

ным правом, приобрести это имущество. Для этого собственник обязан известить лицо, обладающее преимущественным правом, о намерении произвести отчуждение своего имущества с указанием существенных условий продажи. В установленные сроки лицо, обладающее преимущественным правом, может согласиться с извещением собственника и заявить о своем намерении приобрести имущество у собственника.

Между тем анализ правоприменительной практики показывает, что не исключена ситуация, при которой весьма вероятно возникновение спора по причине отказа или уклонения сособственника (лица, направившего извещение о намерении продать принадлежащее ему имущество) от завершения процедуры отчуждения имущества, например в тех случаях, когда собственник передумал продавать, или изменил условия сделки, и т. п. В подобных ситуациях возникает закономерный вопрос: может ли лицо, обладающее преимущественным правом, понудить собственника, направившего извещение о намерении продать имущество, к заключению договора купли-продажи, исполнению обязанности по передаче имущества и тем самым защитить свое преимущественное право покупки? [3]

Для ответа на этот вопрос необходимо исследовать правовую природу извещения о намерении продать имущество с точки зрения возможности признания его офертой и согласие лица, обладающего преимущественным правом на приобретение имущества, с точки зрения возможности признания его акцептом.

Эмпирической основой данной статьи послужила практика применения правовых норм, закрепляющих следующие случаи преимущественной покупки:

— продажа доли в праве общей собственности постороннему лицу (ст. 250 ГК РФ);

— продажа доли в уставном капитале общества лицу, не являющемуся участником общества (ст. 21 закона об ООО);

— продажа акций в непубличном АО лицу, не являющемуся акционером общества (ст. 7 закона об АО);

— продажа земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения третьему лицу (ст. 8 закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения).

Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод об отсутствии единообразного понимания правовой природы обозначенных выше явлений (уведомления и согласия). В аспекте рассматриваемого вопроса у судов есть две реверсивные правовые позиции.

Первая правовая позиция судов сводится к тому, что извещение продавца доли, направляемое в порядке п. 2 ст. 250 ГК РФ, ст. 21 закона об ООО, ст. 7 закона об акционерных обществах, о намерении продать ее постороннему лицу носит уведомительный характер и *не является офертой*, а ответ на него — *акцептом* [4; 5; 6; 7].

Вторая правовая позиция в основном касается **практики** по применению ст. 8 закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения, где закреплено преимущественное право субъекта РФ на приобретение земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, и **стоит несколько особняком**. Суды квалифицируют извещение о намерении продать земельные участки *в качестве оферты*, а согласие субъекта РФ приобрести земельные участки — *в качестве акцепта* [8; 9].

Проведенный анализ показывает, что правоприменительная практика не отличается единообразием. Это обусловлено различной квалификацией судами правовой природы элементов механизма реализации преимущественного права, при этом разнонаправленная практика применения соответствующего института является в том числе следствием непонимания самим законодателем правовой природы отдельных явлений.

Так, например, на уровне законодателя существует непонимание правовой природы отдельных элементов механизма института права преимущественной покупки и практики его применения. Законодатель вразрез практике применения института преимущественного права покупки и его правовой природы в п. 5 ст. 21 федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (в ред. от

03.07.2016) и в ст. 15 федерального закона от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» (в ред. от 23.07.2013) прямо называет извещение о намерении *офертой*, а согласие на приобретение — *акцептом*.

Складывается впечатление, что в этой ситуации законодатель решил воспользоваться предусмотренной гражданским законодательством конструкцией для заключения договора посредством направления оферты (предложения заключить договор) одной из сторон и ее акцепта (принятия предложения) другой стороной.

Легальное определение понятия оферты закреплено в Гражданском кодексе РФ (ГК РФ) и является основополагающим институтом гражданско-правовых отношений, возникающих в связи с заключением договора. Согласно п. 1 ст. 435 ГК РФ, офертой признается «адресованное одному или нескольким конкретным лицам предложение, которое достаточно определенно и выражает намерение лица, сделавшего предложение, считать себя заключившим договор с адресатом, которым будет принято предложение».

Вероятно, в обозначенных выше двух случаях законодатель предпринял попытку совместить использование механизма оферты (предложения продать) и фактического извещения о намерении продать долю. В связи с чем возникают вопросы, насколько оправданно использование такого инструмента, как оферта, в рамках этих процедур и насколько корректно говорить об извещении о намерении продать путем направления оферты, поскольку это различные по своей юридической направленности действия, первое из которых представляет собой сообщение о намерении, а второе — волеизъявление ряд связывающих лицо последствий [10].

Представляется, что для правильной квалификации извещения о продаже доли третьему лицу при реализации права преимущественной покупки следует руководствоваться изложенными ниже положениями.

Во-первых, ограничение на распоряжение собственным имуществом по своему усмотрению, налагающее на продавца обязательство продать имущество лицу, принявшему предложение, представляет собой необоснованное ограничение прав собственника, введенное специальной нормой.

Во-вторых, системное толкование п.1 ст. 9, п. 1 ст. 421 и ст. 435 ГК РФ позволяет сделать вывод, что предложение (оферта) направляется лицом добровольно, по своему усмотрению и отражает свободное волеизъявление считать себя заключившим договор с адресатом, которым будет принято предложение. По своей юридической природе оферта есть односторонняя сделка, одним из условий действительности которой является совпадение воли и волеизъявления лица, направившего оферту.

В-третьих, извещение участников общей долевой собственности о продаже направляется не по свободному усмотрению собственника имущества, а в силу обязательного для него предписания закона и не выражает его волю на обязательное заключения договора с адресатом.

В-четвертых, представляется, что правовое значение такого извещения заключается всего лишь в уведомлении других собственников о намерении продать свою долю постороннему лицу, что не является тождественным предложению заключить договор. Извещение о продаже является юридически значимым сообщением применительно к ст. 165.1 ГК РФ — не более того.

В-пятых, согласие собственника получившего извещение, следует рассматривать исключительно как его первоочередное право приобрести в установленный срок продаваемую долю путем заключения соответствующего договора с лицом, которому продавец по своему усмотрению намерен продать долю.

Таким образом, исходя из принципа правовой определенности, можно заключить, что оснований для различной правовой квалификации и применения сходных по своей сути правовых норм, закрепляющих механизм реализации преимущественного права покупки, не имеется. Правоприменителем должен быть выработан единый подход в квалификации извещения о продаже доли и отзыва на него. Очевидно, что это возможно реализовать только на уровне руководящих разъяснений высшей судебной инстанции, которой является Верховный Суд РФ, в связи с чем назрела необходимость в принятии соответствующего документа.

Библиографический список

[1] Кубарь И. И. Извещение о намерении продать долю в праве общей собственности как юридически значимое сообщение (по материалам судебной практики) // Вестн. Моск. ун-та МВД России. — 2014. — № 11. — С. 78–84.

[2] Желонкин С. С. К вопросу о правовой природе извещения в механизме реализации преимущественного права: правовая определенность или судебское усмотрение // Вестн. арбитражной практики. — 2017. — № 4 (71). — С. 16–22.

[3] Желонкин С. С. Правовая квалификация извещения в механизме реализации преимущественного права // Вестн. СПб ун-та МВД России. — 2017. — № 3 (75). — С. 109–112.

[4] Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Татарстан от 16 июня 2016 г. по делу № 33-10068/2016 // СПС «Гарант».

[5] Апелляционное определение Московского городского суда от 30 окт. 2015 г. № 33-40573/15 // СПС «Гарант».

[6] Постановление Президиума ВАС РФ от 23 окт. 2007 г. № 6533/07 по делу № А32-5294/2006-32/167 // СПС «Гарант».

[7] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 16 мая 2016 г. № Ф08-1638/2016 по делу № А63-6309/2015 // СПС «Гарант».

[8] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17 июня 2016 г. № Ф05-7379/16 по делу № А41-50896/2015 // СПС «Гарант».

[9] Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 13 апр. 2017 г. № Ф10-1398/17 по делу № А62-1658/2016 // СПС «Гарант».

[10] Носова Д. В. Оферта и акцепт как механизм реализации преимущественного права приобретения доли в ООО // Закон. — 2009. — № 9. — С. 163–168.

*Пахаруков Александр Анатольевич,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Иркутского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент*

Соотношение прекращения юридического лица со смежными категориями

Термин «прекращение юридического лица» известен в юридической доктрине [1, с. 248, 252, 258; 2, с. 163] и российском законодательстве. В частности, он используется в ГК РФ в контексте определения ликвидации (п. 1 ст. 61 ГК РФ), прекращения недействующего юридического лица (ст. 64.2 ГК РФ), определения оснований прекращения доверенности (пп. 4 п. 1 ст. 188 ГК РФ), возмещения вреда в случае прекращения юридического лица (ст. 1093 ГК РФ), а также употребляется в других статьях ГК РФ (п. 3 ст. 49, п. 4 ст. 60, пп. 1 п. 2 ст. 60.2, п. 9 ст. 63, абз. 2 п. 5.2 ст. 64, п. 7 ст. 97, ст. 1097, п. 4 ст. 1323, п. 2 ст. 1475, пп. 4 п. 1 ст. 1514, пп. 3 п. 1 ст. 1536). Термин «прекращение юридического лица» упоминается в отдельных федеральных законах («О некоммерческих организациях» (пп. 2 п. 6 ст. 4), «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (закон о регистрации) (пп. «и» п. 1 ст. 5), «О несостоятельности (банкротстве)» (абз. 6 п. 6 ст. 22.2), «О розничных рынках и о внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» (пп. 3 п. 4 ст. 22), «О кредитной кооперации» (пп. 4 п. 1 ст. 14) и др.).

Термин «прекращение» в гражданском законодательстве применяется к лексическим единицам, объединенным общим семантическим признаком. Они обозначают правовые явления, имеющие длящийся (протяженный во времени) характер: правоспособность (п. 2 ст. 17, п. 3 ст. 49 ГК РФ), правоотношение (абз. 12 ст. 12 ГК РФ), обязательство (абз. 1–2 п. 2 ст. 60 ГК РФ), субъективные права и обязанности (ст. 153 ГК РФ), полномочия

(абз. 5 п. 2 ст. 65.3 ГК РФ), членство (ст. 106.5 ГК РФ), юридические факты (сделка (п. 3 ст. 167 ГК РФ), доверенность (ст. 188 ГК РФ), договор (п. 8 ст. 67.2 ГК РФ), насилие и угроза (п. 2 ст. 181 ГК РФ)), деятельность (абз. 2 п. 4 ст. 57 ГК РФ), ликвидация (п. 3 ст. 63 ГК РФ), опека и попечительство (п. 4 ст. 31 ГК РФ), патронаж (п. 5 ст. 41 ГК РФ), правовая охрана (п. 1 ст. 1486 ГК РФ) и др. Юридическое лицо как искусственно созданный субъект права также локализовано во времени, поэтому употребление термина «прекращение» по отношению к данному субъекту лексически оправданно и закономерно. С одной лишь оговоркой, что «субъекты <...> для гражданского права являются так называемыми “вещами в себе”, которые не нуждаются для оправдания своего существования ни в каких основаниях, то есть в наличии каких-либо юридических фактов, их порождающих или прекращающих» [3, с. 17].

Гражданское законодательство не раскрывает понятие «прекращение юридического лица». Однако общий смысл этого понятия состоит в том, что оно служит для обозначения обстоятельства, привязываемого к моменту внесения соответствующих сведений в Единый государственный реестр юридических лиц, и рассматривается как фактический состав, правовым последствием которого является прекращение правоспособности юридического лица. Именно такой смысл следует из буквального толкования п. 3 ст. 49 ГК РФ. Употребление его в указанном значении в действующем российском гражданском законодательстве следует признать устойчивым.

Кроме того, необходимо отметить, что именно прекращение существования юридического лица, являясь целью соответствующей процедуры (ликвидации, реорганизации, исключения юридического лица из Единого государственного реестра юридических лиц по решению регистрирующего органа и др.), выполняет системообразующую роль. В частности, указанная цель определяет характер правоспособности прекращаемого лица, набор применяемых правовых средств в ходе соответствующей процедуры, наличие существенных ограничений в правах ликвидируемой организации (п. 2 ст. 20 закона о регистрации) и др.

Ранее нами высказывалось суждение об интегрирующем значении цели для формирования особого правового режима хозяйственной деятельности должника, в отношении которого открыто производство по делу о банкротстве [4, с. 35–37].

Термин «прекращение юридического лица» иногда уточняется посредством указания на прекращение *деятельности* юридического лица. Такое уточнение имеет место как в науке [5, с. 160], так и в законодательстве (например, в абз. 2 п. 4 ст. 57 ГК РФ, а также в ряде федеральных законов: «Об общественных объединениях» (пп. 1 ч. 6 ст. 38), «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (название разд. 2), «О наркотических средствах и психотропных веществах» (п. 6 ст. 46), «Об отходах производства и потребления» (п. 1 ст. 29), «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (пп. 7 п. 5 ст. 4.1) и др.).

Представляется, что словосочетания «прекращение юридического лица» и «прекращение деятельности юридического лица» являются в гражданском законодательстве равнозначными, используются для обозначения одного и того же явления и поэтому рассматриваются как синонимы *delegelata*. В этой связи неверным представляется суждение, будто законодатель вообще не оперирует указанными терминами и вместо этого использует выражение «юридическое лицо считается прекратившим свою деятельность» [6, с. 14].

В юридической литературе предложено разграничить *delegiferenda* понятия «прекращение деятельности юридического лица» и «прекращение юридического лица»: первое должно означать временное ограничение правоспособности юридического лица, второе — прекращение его правосубъектности [7, с. 285].

3. Прекращение юридического лица следует отграничивать от *административного приостановления деятельности* как вида административного наказания (п. 9 ч. 1 ст. 3.2, ст. 3.14 Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ)), от *временного запрета деятельности* как меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении (п. 10 ч. 1 ст. 27.1, ст. 27.16, 27.17 КоАП РФ), применяемого в отношении структур-

ных подразделений юридического лица, а также от *запрета деятельности*, применяемого в первую очередь в отношении общественного или религиозного объединения, не являющегося юридическим лицом (ст. 44 федерального закона «Об общественных объединениях»; ч. 2–3 ст. 9 федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»).

В данном вопросе следует согласиться с А. В. Габовым, предложившим подобного рода процедуры, соотносимые с юридическим лицом, причислить к прекращению его *деятельности*.

С несколько иных позиций предлагает разграничить рассматриваемые категории Л. В. Молчанов. По его мнению, прекращение завершает существование юридического лица как субъекта права и подразделяется на ликвидацию и реорганизацию. Ликвидация — прекращение юридического лица и его деятельности; реорганизация — прекращение юридического лица без прекращения его деятельности [8, с. 159].

Сходную точку зрения отстаивают В. К. Андреев и А. Е. Кирпичев, когда подчеркивают то обстоятельство, что при реорганизации (за исключением выделения) «происходит прекращение ранее действующих субъектов права», однако при этом не прекращается деятельность юридического лица, поскольку «в том или ином качестве она осуществляется другим юридическим лицом»; «в отличие от ликвидации юридического лица его *реорганизация предполагает* существование в дальнейшем имущественных и личных неимущественных прав, имущественных комплексов в сокращенном или в укрупненном виде» [9]. Однако Л. В. Молчанов идет дальше в своих рассуждениях, полагая, что реорганизация влечет переход правосубъектности юридического лица в порядке правопреемства к вновь возникшим (при присоединении — измененным) в результате ее проведения юридическим лицам [8, с. 175].

С такими суждениями согласиться нельзя. Во-первых, прекращение рассматривается не как юридический факт, а как процесс (вопреки п. 3 ст. 49 ГК РФ); во-вторых, правовая личность юридического лица в такой интерпретации фактически сведена к имущественному субстрату (персонифицированному имуществу), передача которого в результате реорганизации обуславливает «переход

правосубъектности» и «сохранение деятельности». Очевидно, что имущественная обособленность хотя и необходимый, но недостаточный признак юридического лица, к которому может быть сведена его сущность.

В законодательстве некоторых стран ближнего зарубежья наряду с термином «прекращение юридического лица» используется другое понятие: «*ропуск юридического лица*» (ст. 86–89, 94-1 Гражданского кодекса Республики Молдова от 6 июня 2002 г. № 1107-XV), который служит основанием прекращения существования юридического лица и открытия процедуры ликвидации. Однако последняя не открывается в случае реорганизации юридического лица: «объединения» (слияния и присоединения) и «дробления» (разделения и выделения). В этом случае имеет место передача имущества распускаемого юридического лица в том состоянии, в котором оно находилось в момент объединения или дробления, юридическим лицам — приобретателям (ч. 2 ст. 86 Гражданского кодекса Республики Молдова). Различие между российским и молдавским законодательствами очевидно: первое исходит из того, что прекращение юридического лица — это завершающий ликвидацию результат, а второе — что роспуск юридического лица это правопроявляющий юридический факт.

Библиографический список

[1] Гражданское право: в 4 т.: учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. — 3-е изд., перераб и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2004. — Т. 1. — 720 с.

[2] Гражданское право: в 3 т.: учебник / отв. ред. В. П. Мозолин. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2016. — Т. 1. — 816 с.

[3] Потягаева Л. И. Ликвидация некоммерческих организаций по российскому гражданскому законодательству: автореф. дис. <...> канд. юр. наук. — М., 2006. — 25 с.

[4] Пахаруков А. А. Телеологические аспекты института несостоятельности (банкротства) // Академический юридический журнал. — 2006. — № 2. — С. 32–37.

[5] Гражданское право: учебник / под ред. Ю. К. Толстого. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2010. — Т. 1. — 778 с.

[6] Иванова Ж. Б., Толмачев Д. В. Определение прекращения деятельности юридического лица как самостоятельного правового явления и выявление его отличий от сходных правовых феноменов // Российская юстиция. — 2015. — № 7. — С. 14–17.

[7] Габов А. В. Ликвидация юридических лиц: История развития института в российском праве, современные проблемы и перспективы. — М.: Статут, 2011. — 303 с.

[8] Гражданское право: [в 3 ч.]: учебник для вузов / под ред. В. П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. — М.: Эксмо, 2007. — Ч. 1. — 704 с. (Российское юридическое образование).

[9] Андреев В. К., Кирпичев А. Е. Юридические лица. Введение в корпоративное право: лекция. — М.: Рос. акад. правосудия, 2014. — 120 с.

УДК 342.51

*Качалов Павел Николаевич,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ
(РПА Минюста России), кандидат философских наук, доцент
Айметова Юлия Ирековна,
студентка Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

**К вопросу о наделении заместителей
начальников полиции полномочиями по рассмотрению дел
об административных правонарушениях**

Одной из важнейших задач органов внутренних дел является защита прав и законных интересов граждан и обеспечение общественного правопорядка в целом. Реализация всего комплекса мер,

направленных на предупреждение, выявление и пресечение грубых нарушений установленного в общественных местах порядка, в том числе административных правонарушений, лежит на плечах сотрудников органов полиции.

В настоящее время растет число жалоб граждан на длительное рассмотрение административных дел и несвоевременное принятие решений по ним. По мнению населения, такое поведение правоохранительных органов, в частности полиции, ничем не обосновано. Нередко полицейские откладывают в сторону административные дела вследствие их меньшей общественной опасности и незначительности в сравнении с преступлениями. Однако такие действия могут объясняться и чрезмерной загруженностью сотрудников подразделений территориальных органов Министерства внутренних дел РФ по осуществлению производства по делам об административных правонарушениях.

В связи с этим правительство РФ внесло на рассмотрение в Государственную Думу проект закона о расширении должностных функций заместителей начальников полиции по охране общественного порядка и наделении их полномочиями по рассмотрению дел об административных правонарушениях. Согласно данному документу, предлагается подвергнуть изменению ст. 23.3 Кодекса об административных правонарушениях РФ (КоАП РФ) [1], что было одобрено и подписано В. В. Путиным. Рассмотрим подробнее положительные и отрицательные моменты данного реформирования.

В 2009–2011 гг. по инициативе Президента России Д. А. Медведева была проведена глобальная реформа в Министерстве внутренних дел РФ. Милиция была переименована в полицию, и вступил в силу новый ФЗ «О полиции». Цель данной реорганизации состояла в повышении эффективности качества работы правоохранительных органов России, а также в борьбе с коррупцией и улучшении имиджа органов охраны правопорядка. В результате были значительно пересмотрены направления деятельности, права и должностные обязанности данных органов. Ранее, до проведения этой реформы, материалы об административных правонарушениях в большинстве своем рассматривались заместителем на-

чальника органа, т. е. начальником милиции общественной безопасности. В связи с тем, что в России появился новый структурный орган, полномочия по рассмотрению административных правонарушений равно как и оперативные функции были переданы заместителю начальника органа, под которым понимается начальник полиции.

Подобная реорганизация оценивается весьма неоднозначно, поскольку с одной стороны перечень полномочий начальника органа полиции значительно расширен, а с другой — увеличивается объем работы начальника полиции, что усложняет его деятельность по рассмотрению административных дел.

Исходя из этого, весьма рациональным решением представляется передача полномочий по рассмотрению дел об административных правонарушениях в распоряжение заместителей начальников полиции по охране общественного порядка. Согласно пояснительной записке к законопроекту, распределение полномочий руководителей территориальных органов Министерства внутренних дел РФ в ряде случаев усложняет организацию работы оперативных подразделений по выявлению и раскрытию преступлений и правонарушений. А смещение функций в сторону заместителя начальника органа полиции позволит избежать данной проблемы и повысить своевременность, быстроту и эффективность принятия процессуальных решений, не нарушая прав граждан.

В целях обоснования предложения в пояснительной записке к законопроекту приводится статистика пресеченных органами полиции административных правонарушений, согласно которой в 2016 г. сотрудниками органов внутренних дел пресечено свыше 9 млн административных правонарушений, в соответствии с гл. 23 КоАП РФ рассмотрено 7,5 млн протоколов об административных правонарушениях [2]. Среди административных правонарушений особо выделяются правонарушения в области общественного порядка и общественной безопасности, однако преобладающее число принадлежит мелкому хулиганству, распитию алкогольных напитков в общественных местах и нахождению в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения (их удельный вес в структуре выяв-

ленных правонарушений, предусмотренных гл. 20 КоАП РФ, составляет более 90%).

Приведенные цифры заслуживают доверия, поскольку, согласно только статистическим данным органов внутренних дел Республики Мордовия, за 10 месяцев 2017 г. сотрудниками полиции пресечено более 2000 административных правонарушений по фактам распития спиртных напитков и появления в общественных местах в состоянии опьянения [3]. Оформлены 52 представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения по линии реализации алкогольной продукции. Информация направлена в Министерство торговли и предпринимательства для принятия решения о приостановлении действия лицензии.

На наш взгляд, несомненным плюсом является тот факт, что значительных должностных реорганизаций подобная реформа не предполагает, поскольку отсутствует необходимость создания новой должности в правоохранительной структуре. Сокращение численности штата сотрудников, равно как и их увеличение, также не имеет смысла. Выделения дополнительных денежных расходов и средств из федерального бюджета не требуется — следовательно, материальный аспект отсутствует.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что обеспечение общественного порядка и общественной безопасности невозможно без органов полиции. Только скоординированная и эффективная деятельность сотрудников позволит своевременно выявить и пресечь нарушения установленного в общественных местах порядка, в том числе и административные правонарушения. Надеемся, что уточнение полномочий должностных лиц полиции при рассмотрении дел об административных правонарушениях в значительной степени улучшит деятельность подразделений территориальных органов Министерства внутренних дел, а также существенно ускорит производство по делам об административных правонарушениях.

Библиографический список

[1] Федеральный закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. — 2001. — № 256.

[2] Депутаты добавили заместителям начальников полиции обязанностей // <https://rg.ru/2017/10/16/deputaty-dobavili-zamestitelej-nachalnikov-policii-obiazannostej.html>.

[3] Отчет Министра внутренних дел по Республике Мордовия генерал-майора полиции Ю. В. Арсентьева «О деятельности полиции Министерства внутренних дел Республики Мордовия за 2016 год» в рамках «Правительственного часа» сессии шестого созыва Государственного Собрания Республики Мордовия // https://13.мвд.рф/Otcheti_Ministra_vnutrennih_del_po_Respu/item/9832193.

УДК 347.941

*Нахова Елена Александровна,
доцент кафедры предпринимательского права
Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ
(РПА Минюста России), кандидат юридических наук*

Признанные обстоятельства в гражданском судопроизводстве

Согласно ст. 61 ГПК РФ, обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным постановлением по ранее рассмотренному делу, обязательны для суда. Указанные обстоятельства не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении другого дела, в котором участвуют те же лица. При рассмотрении гражданского дела обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением арбитражного суда, не должны доказываться и не могут оспариваться лицами, если они участвовали в деле, которое было разрешено арбитражным судом.

Вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесен приговор суда, по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом. В силу ч. 4 ст. 61 ГПК РФ вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях деяний лица, в отношении которого вынесен приговор, лишь по вопросам о том, имели ли место эти действия (бездействие) и совершены ли они данным лицом. Исходя из этого, суд, принимая решение по иску, вытекающему из уголовного дела, не вправе входить в обсуждение вины ответчика, а может разрешать вопрос лишь о размере возмещения. В решении суда об удовлетворении иска помимо ссылки на приговор по уголовному делу следует также приводить имеющиеся в гражданском деле доказательства, обосновывающие размер присужденной суммы (например, учет имущественного положения ответчика или вины потерпевшего). На основании ч. 4 ст. 1 ГПК РФ по аналогии с ч. 4 ст. 61 ГПК РФ следует также определять значение вступившего в законную силу постановления и (или) решения судьи по делу об административном правонарушении при рассмотрении и разрешении судом дела о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесено это постановление (решение). Согласно ч. 2 ст. 61 ГПК РФ, обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным постановлением по ранее рассмотренному гражданскому делу, обязательны для суда. Указанные обстоятельства не доказываются и не подлежат оспариванию при рассмотрении другого дела, в котором участвуют те же лица [1, с. 241–254; 2, с. 115–127]. Такое же значение имеют для суда, рассматривающего гражданское дело, обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением арбитражного суда (ч. 3 ст. 61 ГПК РФ). Под судебным постановлением, указанным в ч. 2 ст. 61 ГПК РФ, понимается любое судебное постановление, которое согласно ч. 1 ст. 13 ГПК РФ принимает суд (судебный приказ, решение суда, определение суда), а под решением арбитражного суда — судебный акт, предусмотренный ст. 15 АПК

РФ. Исходя из смысла ч. 4 ст. 13, ч. 2, 3 ст. 61, ч. 2 ст. 209 ГПК РФ лица, не участвовавшие в деле, по которому судом общей юрисдикции или арбитражным судом вынесено соответствующее судебное постановление, вправе при рассмотрении другого гражданского дела с их участием оспаривать обстоятельства, установленные этими судебными актами. В указанном случае в силу п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» суд выносит решение на основе исследованных в судебном заседании доказательств. На основании п. 2–4 ст. 69 АПК РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда по ранее рассмотренному делу, не доказываются вновь при рассмотрении арбитражным судом другого дела, в котором участвуют те же лица. Вступившее в законную силу решение суда общей юрисдикции по ранее рассмотренному гражданскому делу обязательно для арбитражного суда, рассматривающего дело, по вопросам об обстоятельствах, установленных решением суда общей юрисдикции и имеющих отношение к лицам, участвующим в деле. Вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для арбитражного суда по вопросам о том, имели ли место определенные действия и совершены ли они определенным лицом [1, с. 241–254; 2, с. 115–127].

Под преюдициальными фактами понимаются факты, установленные вступившим в законную силу решением или приговором суда. Если истец или ответчик желают оспорить, опровергнуть полностью или частично факт, это не будет иметь юридическое значение. Бесспорность указанных фактов носит условный характер. Конкретные обстоятельства могут быть признаны судом бесспорными тогда, когда в другом процессе участвуют те же заинтересованные лица [3, с. 27]. На иных участников судопроизводства правовая сила решения, которыми установлена фактическая сторона разрешенного юридического спора, не распространяется, для них установленные факты не являются бесспорными, они могут их доказывать, уточнять и даже опровергать. Четко ограничена преюдициальность фактов, установленных вступившим в законную силу приговором суда. В новый акт

без доказывания переносятся только объективная сторона состава преступления и его субъект. Все другие обстоятельства не признаются бесспорными. Для того чтобы признать факт преюдициальным, необходимо приобщить к рассматриваемому делу копию соответствующего решения или приговора. В науке гражданского процессуального права предлагается говорить о целях преюдиции, объективных и субъективных пределах действия преюдиции. Цель преюдиции состоит в том, чтобы освободить участвующих в деле лиц от повторного доказывания фактов, которые уже исследованы и доказаны, т. е. познаны. Субъективные пределы действия преюдиции характеризуются тем, что преюдициальность установленных законом фактов обязательна для всех заинтересованных лиц, которые принимали участие в предыдущем деле в качестве истцов, ответчиков, третьих лиц, заявителей. К объективным пределам преюдиции относится то, что преюдициальность как свойство вступившего в законную силу решения или приговора суда распространяется на строго определенные факты и правоотношения [4, с. 526]. Аналогичное утверждение можно распространить и на арбитражное процессуальное право [1, с. 241–254; 2, с. 115–127].

Библиографический список

[1] Нахова Е. А. Доказательственное право в гражданском и арбитражном судопроизводстве: Общая часть. — СПб.: Изд-во «ВВМ», 2012. — 545 с.

[2] Нахова Е. А. Роль презумпций и фикций в распределении обязанностей по доказыванию: дис. <...> канд. юр. наук. — Саратов, 2004. — 176 с.

[3] Зайцев И. М., Афанасьев С. Ф. Бесспорные обстоятельства в гражданских делах // Российская юстиция. — 1998. — № 3. — С. 27.

[4] Осокина Г. Л. Курс гражданского судопроизводства России: Общая часть: учеб. пособие. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2002. — 616 с.

*Качалов Павел Николаевич,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ
(РПА Минюста России), кандидат философских наук, доцент
Коньков Роман Александрович,
студент Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

О некоторых изменениях КоАП РФ, касающихся расширения отдельных полномочий судебных приставов

Прежде чем мы приступим к непосредственному изучению законодательной новеллы, касающейся отдельных полномочий судебных приставов-исполнителей, следует сказать несколько слов о статусе судебного пристава-исполнителя в контексте субъекта правоприменения КоАП РФ.

Итак, с деятельностью сотрудников ФССП связан ряд статей КоАП РФ.

Статья 23.68 говорит о деятельности федерального органа исполнительной власти, который уполномочен на осуществление функций по принудительному исполнению документов и обеспечению установленного порядка деятельности суда. Данная статья прямо определяет круг полномочий судебных приставов, включающий рассмотрение дел об административных правонарушениях, которые предусмотрены ст. 13.26, 17.8.1, отдельными частями ст. 17.14, и некоторыми другими статьями [1].

Статья 13.26 также относится к предмету ведения сотрудников ФССП и содержит в себе нормы о нарушении сроков и порядка доставки судебных извещений адресату. Данная статья содержит в себе положения, касающиеся полномочий судебного пристава, к которым относится привлечение к административной ответственности оператора почтовой связи судебным приставом.

Статья 17.8.1 также определяет полномочия судебных приставов по поводу привлечения к административной ответственности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей за неза-

конное использование в своих наименованиях слов «пристав», «судебный пристав» и образованных на их основе словосочетаний.

Статья 17.14 определяет положения и нормы, касающиеся нарушений законодательства об исполнительном производстве. В частности, данная статья говорит о полномочиях сотрудников ФССП, которые заключаются в привлечении должников и некоторых других субъектов права, указанных в этой статье, к административной ответственности за нарушения законодательства об исполнительном производстве.

Это далеко не все статьи и нормы КоАП РФ, которые так или иначе связаны с полномочиями и деятельностью сотрудников ФССП, а только, можно сказать, наиболее значимые для темы нашего исследования.

Относительно недавно круг полномочий судебных приставов был расширен путем внесения некоторых изменений в ст. 27.2 и 27.3 КоАП РФ. Эти статьи, как известно, регламентируют положения, связанные с доставлением и административным задержанием соответственно. До принятия, подписания и вступления в силу закона № 309-ФЗ от 30 октября 2017 г. [2] применять положения ст. 27.2 и 27.3 КоАП РФ были уполномочены только сотрудники полиции, национальной гвардии, военной полиции и отдельных подразделений ВС РФ. Однако вышеуказанным федеральным законом государство предоставило возможность осуществлять доставку и задержание судебным приставам.

Президент РФ В. Путин подписал вышеуказанный федеральный закон, согласно которому сотрудники ФССП смогут задерживать и осуществлять доставку к себе в отделение для составления административного протокола лиц, которые имеют долг по алиментам. Эта новость получила мгновенное распространение во многих СМИ.

Также следует отметить, что после принятия поправок в ст. 27.2 и 27.3 КоАП РФ судебные приставы наделены полномочиями по задержанию и доставлению совершеннолетних трудоспособных детей для составления протокола об административном правонарушении, в случае если они не содержат своих нетрудоспособных родителей.

В Государственной Думе РФ данный документ был принят в третьем чтении 20 октября 2017 г., Совет Федерации одобрил его 25 октября 2017 г., и 30 октября 2017 г. закон № 309-ФЗ был подписан президентом.

Рабочую группу разработчиков закона составили депутаты Государственной Думы VII созыва от партии «Единая Россия» Павел Крашенинников, Зариф Байгускаров и некоторые другие.

Авторы документа в пояснительной записке отметили, что ст. 5.35.1 КоАП РФ содержит в себе положения, касающиеся административной ответственности за неуплату без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей в течение двух и более месяцев со дня возбуждения исполнительного производства, если при этом такие действия не содержат в себе уголовно наказуемое деяние [3].

Согласно официальным статистическим данным ФССП России [4], с момента вступления в силу вышеуказанной нормы КоАП РФ сотрудниками данной службы было возбуждено чуть более 10,5 тыс. дел об административных правонарушениях. В результате применения в отношении должников принудительных мер административной ответственности ими погашена задолженность по алиментам на сумму более 35 млн руб.

Вместе с тем, как указали авторы закона № 309-ФЗ от 30 октября 2017 г., зачастую должники по исполнительным документам о взыскании задолженности по алиментам не являются по вызовам судебных приставов-исполнителей для составления протоколов об административных правонарушениях.

До принятия и вступления в силу закона № 309-ФЗ от 30 октября 2017 г. судебные приставы не имели права применять в отношении алиментных должников такие меры обеспечения производства по делу, как доставление и административное задержание. Это вынуждало их абсолютно в каждом случае обращаться за помощью к уполномоченным на применение вышеуказанных принудительных мер административной ответственности сотрудникам органов внутренних дел (полиции), что, несомненно, замедляло процесс производства по делу об административном правонаруше-

нии, создавало дополнительную нагрузку для органов внутренних дел и усложняло процедуру привлечения к административной ответственности должников по исполнительным документам, связанным с взысканием задолженностей по алиментам.

Многие юристы поддерживают внесенные изменения, указывая на то, что загруженность полиции и Следственного комитета не позволяет должным образом осуществлять производство по делам, связанным с неисполнением должниками своих алиментных обязательств: «Им попросту некогда этим заниматься». Это высказывание одного из юристов можно в полной мере понять и поддержать [5], поскольку все, что так или иначе связано с исполнительным производством, должно осуществляться посредством ФССП России — и никак иначе. Разграничение, раздробление полномочий в этой сфере приведет разве что к бюрократическому затягиванию всех процессов и процедур, связанных с исполнительным производством.

Судить об эффективности нового механизма сейчас сложно. В первую очередь он должен получить практическую оценку.

Изменения, которые внес закон № 309-ФЗ в КоАП РФ, можно справедливо считать положительными, однако стоит отметить некоторые недостатки и, возможно, недоработки нового механизма. Прежде всего, до сих пор неясно, куда будут доставлять задержанных правонарушителей. Мнения по этому вопросу разделились. Одни говорят, что судебные приставы будут доставлять задержанных в отделение полиции, другие упоминают специальные помещения суда. Как данный механизм будет осуществляться на практике, покажет время.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что наделение полномочиями по осуществлению административного задержания и доставления лица, в отношении которого ведется производство по административному правонарушению, связанному с неисполнением должником своих алиментных обязательств, наиболее полно упрочит обеспечение принципа неотвратимости наказания. Следует также подчеркнуть, что нововведенные положения повысят уровень эффективности защиты прав несовершеннолетних и нетрудоспособных лиц на получение алиментов и оптимизируют работу ФССП по исполнению соответствующих актов судебного и

юрисдикционного характера. Однако, несмотря на плюсы данной небольшой реформы, остаются некоторые неопределенности, которые непременно будут устранены в процессе практического действия нового механизма задержания и доставления.

Библиографический список

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 30.10.2017) // Российская газета. — 2001. — № 256, 31 дек.

[2] Федеральный закон от 30.10.2017 г. № 309-ФЗ «О внесении изменений в статьи 27.2 и 27.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. — 2017. — № 247, 1 нояб.

[3] Путин подписал закон о праве приставов задерживать должников по алиментам // http://rapsinews.ru/legislation_news/20171031/280753871.html.

[4] <http://fssprus.ru>.

[5] Приставам дали право ловить алиментщиков // <https://www.gazeta.ru/business/2017/10/31/10964402.shtml?updated>.

УДК 347.6

*Свиридонова Татьяна Ивановна,
заведующая кафедрой гражданского права
Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ
(РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент*

Имущественные отношения супругов в современной России

Семья в российском законодательстве рассматривается в качестве особого института, между членами которого возникают имущественные отношения. У каждого члена семьи имеются опре-

деленные имущественные обязательства, а также право на совместное распоряжение общим имуществом.

Сферу имущественных отношений между супругами регулирует семейное право. Существуют несколько типов имущественных отношений, которые вытекают из официально зарегистрированного брака, в процессе приобретения и пользования общим имуществом. Так, имущественные отношения устанавливают порядок обращения с общим имуществом, позволяют определить порядок материального содержания при разводе супругов.

В целом российское законодательство предусматривает две группы имущественных отношений, которые возникают между супругами. Первая группа связана с решением вопросов относительно распоряжения объектами общей собственности. Подразумевается, что приобретенное в браке имущество считается совместным, — следовательно, у супругов имеются равные права и обязанности для пользования имуществом и решения вопросов относительно распоряжения им. Вторая группа имущественных отношений касается алиментных обязательств, которые определяются по решению суда при расторжении брака.

Основу для регулирования имущественных отношений между супругами обеспечивает российское семейное законодательство. В то же время некоторые группы вопросов позволяет урегулировать ГК РФ. При этом не допускается противоречие между нормами ГК РФ и положениями, приведенными в российском семейном законодательстве. Что касается вопросов относительно общей собственности, то на протяжении длительного времени эта группа вопросов никак не выделялась в гражданском и семейном законодательстве.

Применялась модель общей долевой собственности. По ней приобретенное в браке имущество подразумевало выделение долей, которые автоматически переходили к супругам в случае расторжения брака. Что касается оснований и порядка распоряжения общим имуществом, то эти вопросы подлежат урегулированию внутри семьи.

Важную роль сыграло введение в действие с 1 января 1995 г. первой части нового Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), в п. 1 ст. 256 которого предусмотрено, что «имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью,

если договором между ними не установлен иной режим этого имущества» [1, с. 23].

Таким образом, супруги могут сами определить, каким образом они будут распоряжаться общим имуществом. До настоящего времени суды в своей практике прибегали к рассмотрению дел относительно раздела имущества на основе модели, подразумевающей раздел долевого имущества (имущества, находящегося в долевой собственности).

Исключением из этого правила считаются такие ситуации, которые связаны с приватизированными объектами имущества. Жилищным кодексом РФ (ЖК РФ) предусматривается, что граждане, арендующие муниципальную собственность (жилые помещения), имеют право на приватизацию объектов жилья в соответствии с установленными нормами. При этом объекты недвижимости могут быть переданы в собственность в порядке оформления сделки с регистрацией долевого права на супругов в равных долях или на одного из супругов.

Каждый из супругов при приобретении объекта недвижимости может высказать свое мнение относительно своего участия в сделке с оформлением имущества в общую собственность или в собственность другого супруга. Подразумевается получение согласия на оформление имущества в общую собственность или в собственность одного из супругов.

Что касается несовершеннолетних членов семьи, то они автоматически выступают в роли сособственников и тоже вступают в сделку по приватизации недвижимости на правах сособственников. Это касается как проживающих на данной жилой площади детей, так и выбывших с нее по различным обстоятельствам, но не лишенных права на участие в сделках по приватизации совместной собственности.

Таким образом, при проживании в муниципальном и государственном жилье по договору найма и желании приватизировать недвижимость все члены семьи автоматически приобретают право (долю) на общую собственность.

По итогам прохождения приватизационных процедур все члены семьи становятся собственниками общего имущества. Соот-

ветственно, они приобретают равные права на пользование и распоряжение имуществом. То же касается и вопросов относительно распоряжения объектом общего имущества.

Ответственность всех дееспособных членов семьи, которые вытекают из пользования объектом имущества, является солидарной.

Анализ российского законодательства позволяет сделать вывод о наличии особой категории имущества — семейной собственности. Она является разновидностью общей собственности и применима не только к объектам недвижимого имущества. Участниками имущественных отношений при наличии общей собственности являются все дееспособные члены семьи. До этого момента урегулирование вопросов относительно семейной собственности осуществлялось в косвенном порядке. При решении имущественных вопросов использовались нормы гражданского права и законов об управлении долевой собственностью.

Актуализация брачного договора в российском законодательстве и правоприменительной практике произошла после принятия Конституции РФ 1993 г., декларировавшей в ст. 8, что «в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности». Кроме того, в ст. 9 было указано, что «земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности».

Отметим, что, в частности, по данным всероссийского опроса ВЦИОМ, проведенного 24–25 февраля 2015 г., большинство опрошенных (60% против 24%) рекомендовали бы своим близким, друзьям при вступлении в брак составить брачный договор. Чаще всего такой совет хотели бы дать респонденты, живущие отдельно, но не разведенные (76%), реже — вдовцы и вдовы (50%).

Практика судов по разделу совместного имущества имеет свою специфику. Например, у одного из членов семьи был участок, отведенный под индивидуальное жилое строительство. По факту правом на построенный дом будет обладать тот супруг, на чье имя был зарегистрирован участок вне зависимости от того, какое содей-

стве в реализации проекта строительства оказывалось со стороны каждого члена семьи [2, с. 24].

Таким образом, факт появления семейной собственности не порождается любым соучастием в реализации проекта строительства. Иск о разделе общей собственности может быть удовлетворен только в том случае, если по договору с застройщиком подразумевалось строительство общего дома.

Во всех иных случаях судами будут приниматься решения в пользу собственников земельных участков, предназначенных для реализации проектов индивидуального жилого строительства. При наличии договоренности с застройщиком о строительстве общего (семейного) дома подразумевается, что все члены семьи будут вкладывать равные силы в строительство общей собственности.

Соответственно, право на имущество будет равным для всех членов семьи. Аналогичная ситуация возникает и с приобретением готовой общей собственности. Поэтому для раздела общего имущества необходимо при заключении договора купли-продажи недвижимости получать согласие членов семьи на приобретение общего объекта имущества.

По этому договору подразумевается, что члены семьи привлекают равные усилия для приобретения общего объекта имущества. Далее раздел общего имущества требует снятия свидетельских показаний, предоставления доказательной базы для подтверждения того, что члены семьи прикладывали совместные усилия для приобретения общего объекта имущества.

Описанные выше ситуации касаются раздела имущества между другими членами семьи. Относительно раздела имущества супругов действует иное правило. В частности, все построенное и приобретенное во время брака имущество будет считаться совместным вне зависимости от того, кому из супругов принадлежал участок под застройку и было ли получено согласие супруга на приобретение объекта недвижимости.

Это правило справедливо для тех ситуаций, когда приобретение объектов недвижимости происходит за счет исключительного применения средств, принадлежащих одному из супругов. Основа-

нием для возникновения права на семейную собственность является официальная регистрация брака между супругами.

Согласно семейному законодательству, особой защите подлежат права несовершеннолетних лиц на семейное имущество. Так, при проведении приватизационных процедур несовершеннолетние лица даже без дачи согласия на приватизацию автоматически становятся сособственниками приватизируемого жилого помещения [3, с. 89].

Таким образом, вместе с совершением сделки по приобретению объектов недвижимости несовершеннолетние члены семьи приобретают право собственности на объект недвижимости. Реализация прав несовершеннолетних лиц находится под защитой государства. При наличии в семье несовершеннолетних детей не допускается проведение супругами сделок, которые подразумевают продажу единственного жилья. Несовершеннолетние лица должны получить гарантии того, что у них появится право на новый объект недвижимости.

В имущественные отношения между супругами помимо объектов недвижимости и их раздела входит определение алиментных обязательств. В частности, с целью материального содержания социально незащищенного члена семьи по решению суда можно получить алименты с супруга либо других членов семьи. К категории этих граждан относятся несовершеннолетние лица, дети-инвалиды, родители, которые имеют право взыскать алименты со своих совершеннолетних детей.

Совместной собственностью супругов помимо жилых объектов недвижимости являются денежные средства, получаемые за осуществление регулярной трудовой деятельности, доходы от ведения бизнеса и создания предметов интеллектуальной собственности [4, с. 53].

К общему имуществу также относятся все денежные выплаты со стороны государства, льготы и пособия. Паи, вклады и любые другие объекты имущества, оформленные в браке, тоже считаются объектами общего (семейного) имущества и подлежат разделу в случае развода между супругами. Первоочередное право на общее иму-

щество имеет тот супруг, который ведет хозяйственную деятельность и принимает непосредственное участие в уходе за детьми.

Своим общим имуществом супруги имеют право распоряжаться на основе совместных решений. При намерении продать любой объект имущества подразумевается получение согласия со стороны второго супруга на совершение сделки. Важно, что имущественные отношения касаются не только совместного, но и личного имущества, которое было подарено, приобретено или получено лично одним из супругов. Распоряжение личным имуществом ведется на основании личного решения владельца и не требует получения письменного согласия супруга.

В целях урегулирования имущественных отношений между супругами возможно заключение брачного договора. Документ может быть оформлен между супругами как при вступлении в брак, так и в любой период совместного официального проживания [5, с. 79].

Контрактом предусматриваются права и обязанности сторон относительно регулирования имущественных отношений. При отсутствии брачного договора регулирование имущественных отношений между супругами ведется на основе норм гражданского и семейного законодательства. При этом существует возможность мирного урегулирования спорного вопроса: достаточно прийти к мирному решению и оформить между супругами соответствующее соглашение.

Библиографический список

[1] Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. — Ростов н/Д.: Феникс, 2015. — 640 с.

[2] Елисеева А. А. Правовое регулирование личных неимущественных отношений в семейном праве: моногр. — М.: Изд-во Междунар. юр. ин-та, 2013. — 208 с.

[3] Загоровский А. И. Курс семейного права. — 2-е изд., с изм. и доп. — Москва, 2014. — 573 с.

[4] Максимович Л. Б. Брачный договор в российском праве. — М.: Ось-89, 2013. — 144 с.

[5] Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. — 2-е изд., испр. — М.: Статут, 2014. — 831 с.

*Маринова Светлана Шамилевна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ
(РПА Минюста России), кандидат исторических наук*

Некоторые проблемные аспекты конституционного развития

Процесс рождения новой Конституции РФ 1993 г. ознаменовал смену исторических «вех», идеологическую переориентацию миллионов людей, включая «вождей», ломку всей системы старых взглядов и отношений, отказ от укоренившихся привычек и традиций.

Конституция РФ закрепила в своем содержании новые правовые концепции, институты и ценности, такие как построение правового государства, принцип разделения властей, приоритет гражданина перед государством, независимость судебной власти как главного гаранта прав и свобод человека и гражданина, идеологическое и политическое многообразие, рыночная форма хозяйствования, право частной собственности и многое другое. Данные правовые концепции, закрепленные в Конституции, указывают и на то, что произошли существенные изменения в правовом сознании людей, особенно в правовой идеологии. В этом случае уместны слова Г. Гегеля, который отмечал, что посредством правового сознания народ «укладывает дух своей эпохи» и отражает его в правовых актах [1, с. 78].

Конституция была призвана нормализовать обстановку в обществе, которая к тому времени была достаточно накалена, обеспечить эффективную деятельность всех государственных, политических и гражданских институтов. Однако на первоначальном этапе Конституция не смогла заработать в полной мере, поскольку имела недостаточно легитимную социальную базу, что затруднило достижение на ее основе прочного гражданского мира и согласия. Воз-

ника острой необходимости в создании прочного механизма реализации конституционных положений и авторитетности.

Данный факт отрицательно сказывается на развитии конституционного правосознания. Развитие конституционного правосознания зависит от соблюдения и практической реализации конституционно-правовых норм. По словам М. Н. Марченко, «на Конституцию у нас никто не молится, включая и первых лиц. Если она мешает, ее игнорируют. Соответственно, нет и конституционной законности, а есть конституционный нигилизм, неуважение к главному закону государства, Этот закон сразу же после его принятия стал нарушаться всеми структурными властями» [2, с. 211].

Конституция как Основной Закон государства является незыблемым условием жизнедеятельности и стабильности общества, поэтому законодатель должен был позаботиться, чтобы Конституция стала реальным правовым актом, и в первую очередь создать для нее опору в недрах индивидуального, коллективного и общественного правосознания.

Если Конституция, как Основной Закон государства призванная быть системообразующим фактором, не подкреплена социальной энергией народного правосознания, не получает положительные импульсы со стороны общества, она неизбежно превращается в простой придаток правовой системы. И становится бездейственной и неэффективной [3, с. 45].

Чтобы найти свое место в социально-правовой системе, Конституция должна прежде всего отвечать духовно-моральным, экономическим, социальным, политико-правовым, культурным и иным потребностям граждан, их основным стремлениям и чаяниям, находиться в определенном согласии с юридическим менталитетом народа. Без этого она обречена на социальное бессилие, на неприятие (открытое или скрытое), на отторжение, а порой и прямое противодействие ее требованиям.

Конституция как акт власти, политической воли может быть простым формальным документом, имеющим незначительное социально-политическое и правовое значение, если она будет идти вразрез с истинными реалиями жизни людей, государства, общества или забегать далеко вперед, неадекватно воспринимая тем самым

реальную действительность. Не имея опоры в духовно-нравственном правосознании, Конституция не может стать Основным Законом государства, ибо, занимая в иерархии нормативных правовых актов ведущее место, она призвана отражать интересы большинства народа, общества, создать наиважнейшие, главные правовые ориентиры для законодателя, правоприменителя в целях созидания всех других юридических актов.

Выдающийся русский философ и юрист И. А. Ильин писал: «Широкие массы народа должны быть вовлечены в государственную жизнь сначала через правосознание, а потом только через политический акт, и то политический акт, не выросший из здорового правосознания, губелен и бессмыслен, а здоровое правосознание, не изливающееся ни в какой определенный, оформленный политический акт, отнюдь не бессмысленно и не губительно — напротив, оно остается драгоценной способностью, возможностью грядущих достижений» [4, с. 432].

По утверждению Э. Э. Баринава, специфика конституционного правосознания как высшей формы правового сознания позволяет говорить о его значительной роли в механизме реализации права в целом [5, с. 17]. Человек не должен и не в силах знать весь объем правовых установлений, однако даже при отсутствии необходимых знаний о конкретных правовых нормах он совершает правомерные поступки или воздерживается от совершения неправомерных. Это связано с тем, что уровень правового сознания человека определяется не только значением конкретных норм права, но и знанием его принципов. Последние в большей степени сконцентрированы в конкретном законодательстве, в первую очередь в Конституции РФ.

Можно поспорить с данным тезисом, во-первых, потому, что конституционное правосознание формируется на основе восприятия и отражения именно и только конституционно-правовой действительности, является самостоятельным, высшим, «чистым» видом правосознания и не должно смешиваться с другими правовыми явлениями. Сфера бытия конституционного правосознания — исключительно конституционно-правовая действительность как основа всей правовой действительности конкретного государства.

Во-вторых, формирующееся даже на осознании норм отраслевого законодательства правосознание не всегда совершенно и им в должной степени обладают немногие индивиды. Как уже отмечалось выше, конституционное правосознание в России находится в стадии становления. Поэтому методологически неверно и практически опасно делать акцент на регулировании жизнедеятельности людей преимущественно на основании принципов конституционного законодательства.

Для более объемного понимания конституционного правосознания можно представить результаты проведенного исследования среди различных групп населения о знании и авторитете Основного Закона государства.

Среди опрошенных респондентов выступали граждане Республики Мордовия в возрасте от 18 до 65 лет. По итогам опроса были получены приведенные ниже данные.

1. Знаете ли вы, когда была принята Конституция РФ? — 37,5%.

2. Что такое конституционный строй? — 16%.

3. Какие права и свободы Конституция РФ закрепила за гражданами России? — 25%.

4. Знаете ли вы, какие ваши конституционные обязанности (если знаете, назовите от 3 до 4 видов)? — 23%.

5. Считаете ли вы, что Россия в полной мере отражает положения о построении правового государства? — 11%.

6. Правовой статус каких органов закреплен в Конституции РФ? — 43%.

7. Для чего нужен Конституционный Суд РФ? — 13%.

8. Кто в России принимает законы? — 21%.

Проведенное исследование показывает необходимость грамотного просвещения, которое обязано проводить государство в целях правильного осознания конституционной идеологии и положений, заложенных в Конституции. Нормы, заложенные в Конституции не должны оставаться для граждан лишь носящими декларативный характер. Они должны быть рабочими и осознанными даже на бытовом уровне при формировании обыденного конституционного правосознания и идеологии.

Библиографический список

- [1] Гегель Г. В. Ф. Философия права. — М.: Мысль, 1990. — С. 78.
- [2] Марченко М. Н. Теория государства и права. — М., 2003. — С. 211.
- [3] Маринова С. Ш. Правосознание мордовского народа: историко-культурный анализ. — Саранск, 2007. — С. 45.
- [4] Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. — М., 1994. — Т. 4: Понятие права силы. Общее учение о праве и государстве. О сущности правосознания. О монархии и республике. — С. 432.
- [5] Барина Э. Э. Конституционное правосознание в Российской Федерации : автореф. дис. <...> канд. юр. наук. — Ростов н/Д., 2001. — С. 17.

УДК 347

*Пушкарев Станислав Вадимович,
доцент кафедры предпринимательского и трудового права
Межрегионального открытого социального института,
кандидат юридических наук
Гусева Наталья Вячеславовна,
студентка Межрегионального открытого
социального института*

Некоторые проблемы представительства на примере фальсификации договора цессии и доверенности

В настоящее время основную определяющую роль в правильном и своевременном разрешении гражданско-правовых споров по-прежнему играет принцип доступности правосудия. Одним из факторов, препятствующих получению доверителем квалифици-

рованной помощи, являются проблемы, связанные с представительством в суде. К таким проблемам можно отнести действия представителей, пользующихся доверием и слабой правовой грамотностью доверителей, т. е. ненадлежащее оказание помощи специализированными юристами.

Одним из ярких примеров указанной проблемы могут служить действия представителей, которые обманным путем заключают договор цессии на выкуп долгов доверителя, одновременно с этим предъявляя к тому обязательное условие по заключению доверенности на представительство его интересов в суде. При этом они забывают упомянуть такой важный момент, как то, что передача долга по договору цессии и передоверие ведения дела от своего имени являются взаимоисключающими друг друга действиями. Получается, что клиент «избавляется» от долга посредством цессии, но одновременно сам подает исковое заявление, реализуя уже не существующее право.

Самыми распространенными случаями являются дела по возмещению вреда по ДТП, где свои представительские функции осуществляют так называемые «автоюристы», использующие правовую неграмотность автовладельцев для получения незаконного обогащения.

Российский союз автостраховщиков (РСА) подсчитал потери рынка ОСАГО от действий мошенников в первом полугодии 2017 г.: накладные расходы страховщиков, спровоцированные автоюристами, выросли на 55% — до 8,7 млрд руб. Значительный ущерб рынку ОСАГО наносит деятельность мошенников, взыскивающих немалые суммы посредством фальсификации договоров цессии и доверенностей через суд [1].

Предполагалось, что с внесением изменений в ФЗ «Об ОСАГО» о приоритете натурального страхового возмещения проблемы, связанные с «автоюристами», сойдут на нет. Но этого не произошло.

Теперь при принятии заявления от клиента на страховое возмещение страховщик должен предложить список станций технического обслуживания (СТО), с которыми у него заключены договоры.

Согласно закону, СТО должна находиться не дальше 50 км от места происшествия или от места жительства гражданина, за исключением случаев, когда страховщик организовал и оплатил транспортировку поврежденного транспортного средства до места проведения восстановительного ремонта. Срок ремонта автомобиля не должен составлять более 30 дней. Новые автомобили, не старше двух лет, должны будут ремонтироваться на станциях техобслуживания официальных дилеров. При ремонте должны использоваться только новые детали, если страхователь не дал своего согласия на использование б/у деталей [2].

Если страховщик не в состоянии обеспечить эти условия, выплату следует произвести денежными средствами. Кроме того, материальная выплата возможна в случае полной гибели автомобиля, смерти или причинения тяжкого вреда потерпевшему, при условии что потерпевший является инвалидом, а также в случае, когда ущерб превышает установленную ОСАГО предельную сумму компенсации в 400 тыс. руб. [3].

Из вышеизложенного следует, что к возмещению предъявляются весьма широкие требования, влекущие за собой большую вероятность денежной выплаты, поэтому вступившие в силу изменения сохраняют реальную возможность мошенничества в сфере страхования.

Тем самым при обмане доверителя и совершении цессии с представлением интересов того в суде возникает главный подвох, когда представитель также не упоминает, что впоследствии по решению суда доверителю предстоит уплатить налоги по выплатам, а это могут быть неустойки, штрафы, проценты за пользование денежными средствами, возмещение морального вреда, которые облагаются налогом. Кроме того, в случае отказа от уплаты налога доверителю полагается штраф от суммы недоплаты.

Таким образом, доверитель оказывается обманутым: в совокупности с уплаченными налогами он получает сумму вдвое меньше той, что получил представитель после окончания дела по уступке требования вместе с суммой за свои услуги. Некомпетентность юриста, его заинтересованность в выигрыше дела только для собст-

венной выгоды, во вред интересам доверителя подрывает доверие к иным представителям.

Библиографический список

[1] РСА подсчитал совокупный ущерб от мошенничества в ОСАГО в 2016 г. // http://www.autoins.ru/ru/about_rsa/news/rsa/?article-id=51263E9C-00B9-4D14-AB7B-985D0D039848.

[2] Натуральное ОСАГО // Обзор страхового рынка: имущество и ответственность. — 2016. — № 9 (156). — С. 10.

[3] Радикальные нововведения в ОСАГО // European research: сб. ст. победителей X междунар. научн.-практ. конф.: в 3 ч. — Пенза, 2017. — С. 163.

УДК 347

*Раянова Эльвира Талгатовна,
старший преподаватель кафедры публичного права
Государственного университета морского и речного флота
имени адмирала С. О. Макарова*

Мировое соглашение в гражданском и арбитражном процессе

В процессе рассмотрения дел судами граждане, уставшие от затяжных разбирательств, часто прибегают к возможности заключения мирового соглашения. Мировое соглашение помогает сторонам найти компромисс и закрепить с помощью судебного акта наиболее приемлемые для них условия разрешения конфликта [1, с. 134]. Рассмотрим институт мирового соглашения в рамках гражданского и арбитражного процессов.

Мировое соглашение — это фактически гражданско-правовой договор, заключаемый сторонами спора на взаимосогла-

сованных условиях и подлежащий обязательному утверждению судом. Арбитражный процессуальный кодекс РФ (АПК РФ) и Гражданский процессуальный кодекс РФ (ГПК РФ) предусматривают возможность окончания судебного разбирательства мировым соглашением, если это не противоречит закону и не нарушает права и законные интересы других лиц (ст. 49 АПК РФ; ст. 39 ГПК РФ).

Оба действующих процессуальных кодекса выделяют в качестве отдельной задачи, поставленной перед судьями на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, задачу примирения сторон путем заключения мирового соглашения (ч. 3 ст. 133 АПК РФ; ч. 1 ст. 150 ГПК РФ). Как в гражданском, так и в арбитражном процессе мировое соглашение может быть заключено сторонами как лично, так и через представителей, при том что право представителей на заключение мирового соглашения должно быть специально оговорено в доверенности или ином документе, подтверждающем полномочия представителя (ч. 2 ст. 62 АПК РФ; ст. 54 ГПК РФ) [2].

В институтах мирового соглашения в рамках гражданского и арбитражного процессов есть некоторые различия. В АПК РФ введена отдельная глава о примирительных процедурах и мировом соглашении, в ГПК РФ регулирование мирового соглашения более фрагментарно и поверхностно. Обратимся сначала к арбитражному процессу. Согласно АПК РФ, арбитражный суд обязан принимать меры для примирения сторон и содействовать им в урегулировании спора (ч. 1 ст. 138 АПК РФ) [3, с. 855]. Примирение сторон выполняется путем дачи судьей сторонам разъяснения об их праве обратиться за содействием к посреднику в целях урегулирования спора и путем принятия мер для заключения сторонами мирового соглашения (ч. 1 ст. 135 АПК РФ).

Мировое соглашение может быть заключено сторонами на любой стадии арбитражного процесса, в том числе при исполнении судебного акта (ч. 1 ст. 139 АПК РФ). Оно может быть заключено по любому делу, если иное не предусмотрено АПК РФ и иным федеральным законом (ч. 2 ст. 139 АПК РФ).

АПК РФ содержит требования к форме и содержанию мирового соглашения. Мировое соглашение заключается в письмен-

ной форме, подписывается сторонами или их представителями при наличии у них полномочий на заключение мирового соглашения (ч. 1 ст. 140 АПК РФ). Каждая из сторон должна получить оригинальный подписанный и составленный по установленным правилам экземпляр мирового соглашения (ч. 4 ст. 140 АПК РФ), который приобщается к материалам дела после утверждения его арбитражным судом. Мировое соглашение может содержать сведения об условиях, размере и поисках путей исполнения обязательств друг перед другом или одной стороной перед другой. В мировом соглашении могут содержаться условия об отсрочке или о рассрочке исполнения обязательств ответчиком, об уступке прав требования, о полном или частичном прощении либо признании долга, о распределении судебных расходов и иные условия, не противоречащие федеральному закону (ч. 2 ст. 140 АПК РФ).

По результатам рассмотрения вопроса об утверждении мирового соглашения арбитражный суд выносит определение (ч. 5 ст. 141 АПК РФ), в котором мировое соглашение утверждается либо в его утверждении отказывается. Определение арбитражного суда об утверждении мирового соглашения подлежит немедленному исполнению (ч. 8 ст. 141 АПК РФ). Тем не менее определение может быть обжаловано в течение месяца со дня вынесения: жалоба подается в суд кассационной инстанции, минуя апелляционную. Определение об отказе в утверждении мирового соглашения в общем порядке в суды апелляционной и кассационной инстанций (ч. 9 ст. 141 АПК РФ).

Мировое соглашение исполняется лицами, его заключившими, добровольно, в порядке и в сроки, которые предусмотрены этим соглашением (ч. 1 ст. 142 АПК РФ). Если мировое соглашение не исполнено добровольно, оно подлежит принудительному исполнению на основании исполнительного листа, выдаваемого арбитражным судом по ходатайству лица, заключившего мировое соглашение (ч. 2 ст. 142 АПК РФ).

Стоит отметить, что в АПК РФ предусмотрена возможность возвращения истцу из федерального бюджета половины уплаченной им государственной пошлины (ч. 7 ст. 141 АПК РФ). Эта норма

стимулирует стороны к заключению мирового соглашения. В ГПК РФ такой меры не предусмотрено.

Как уже говорилось выше, в законодательстве в сфере гражданского процесса институт мирового соглашения не столь детально проработан. В ГПК РФ говорится о том, что на начальной стадии рассмотрения дела по существу судья выясняет, не желают ли стороны закончить дело заключением мирового соглашения (ст. 172 ГПК РФ). Далее сказано, что мировое соглашение, так же как и в арбитражном процессе, утверждается путем вынесения определения. Если мировое соглашение утверждается судом, то производство по делу прекращается (ч. 3 ст. 173 ГПК РФ). В противном случае суд продолжает рассмотрение дела по существу. В отличие от арбитражного процесса определение суда об утверждении мирового соглашения в гражданском процессе подлежит исполнению после его вступления в законную силу, а исполнительный лист выдается автоматически, без какого-либо ходатайства (ст. 428 ГПК РФ).

Вопрос о форме и содержании мирового соглашения в гражданском процессе практически не урегулирован. Согласно ГПК РФ, условия мирового соглашения сторон заносятся в протокол судебного заседания и подписываются истцом, ответчиком или обеими сторонами. В случае если мировое соглашение выражено в адресованных суду заявлениях в письменной форме, эти заявления приобщаются к делу, на что указывается в протоколе судебного заседания (ч. 1 ст. 173 ГПК РФ) [4, с. 456].

Сравнительная характеристика наглядно показывает, что нормы института мирового соглашения в гражданском судопроизводстве явно носят недостаточный характер. Правовое регулирование должно быть более тщательно проработано законодателем, чтобы не возникало препятствий к использованию названного института в полной мере.

Библиографический список

[1] Арбитражный процесс: учебник / отв. ред. Д. Х. Валеев, М. Ю. Чельшев. — М.: Статут, 2010. — С. 134.

[2] Грось Л. А. О соотношении некоторых норм АПК и ГПК РФ // Российская юстиция. — 2014. — № 2. — С. 23–35.

[3] Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. В. Яркова. — М.: Инфотропик Медиа, 2011. — С. 855.

[4] Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под общей ред. В. И. Нечаева. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. — С. 456.

УДК 342.9

*Пальчикова Мария Валерьевна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук*

*Симкина Екатерина Владимировна,
студентка Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

*Аймуранова Альбина Равильевна,
студентка Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

**Крайняя необходимость как обстоятельство,
исключающее привлечение к административной
ответственности: правоприменительный аспект**

Крайняя необходимость исключает привлечение лица, совершившего определенное административное правонарушение, к административной ответственности, если причиненный вред менее предотвращенного. Действия лица, совершенные в состоянии крайней необходимости, можно считать защитной реакцией, обусловленной совершением правонарушением [1, с. 153].

В ст. 2.7 КоАП РФ, говорится: «Административным правонарушением не является причинение лицом вреда охраняемым законом интересам в состоянии крайней необходимости». Крайняя необходимость называется крайней, ибо представляет собой обстоятельство, в условиях которого для устранения опасности, прямо угрожающей одним правоохраняемым интересам, необходимо причинить вред другим правоохраняемым интересам. В данной статье не указаны признаки крайней необходимости, и человеку, не читающему правовую литературу, будет очень сложно опираться на текст ст. 2.7, что усложняет понимание буквы закона в данном контексте, и в критичной ситуации лицо не сможет принять разумное решение.

Результаты анализа практики по ст. 2.7 КоАП РФ отображены в приведенной ниже таблице. Судьи с большой осторожностью рассматривают дела, касающиеся крайней необходимости, поскольку от их решения зависит, понесет человек ответственность или нет. Так, мировой судья по Благовещенскому району признал действия Баляевой совершенными в состоянии крайней необходимости. Из материалов дела следует, что женщина защищала себя и свою несовершеннолетнюю дочь, которую, по ее словам, пытался избить бывший сожитель женщины. Мировой судья Ленинградской области не признал, что действия гражданина Бабаева были вызваны крайней необходимостью. Согласно материалам дела, Бабаев управлял транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. В судебном разбирательстве мужчина заявил, что днем выпил бутылку пива, а вечером заметил, что рука стала распухать, и понял, что ранее его укусила змея. Бабаев сел в машину и поехал в ближайший фельдшерский пункт, однако на дороге его остановили сотрудники ДПС. При вынесении постановления по делу об административном правонарушении судья сослался на то, что Бабаев мог вызвать скорую медицинскую помощь, а не садиться за руль в нетрезвом виде. В данной ситуации субъект правонарушения не смог реально оценить последствия, которые могли **наступить в ходе разбирательства дела об административном правонарушении.**

Изучая судебную практику применения судами ст. 2.7 КоАП, можно заметить, что чаще всего суды сталкиваются с нарушением правил дорожного движения. Судья Краснотурьинского городского суда Свердловской области признал действия гражданки Фильчевой совершенными в состоянии крайней необходимости. В ходе судебного разбирательства, стало известно, что гражданка была вынуждена выехать на полосу встречного движения, поскольку при повороте налево на перекрестке была обязана пропустить пешехода, переходившего проезжую часть по пешеходному переходу, однако на пешеходном переходе на ее полосе в силу погодных условий образовалась глубокая лужа. Чтобы принять решение, суд должен тщательно изучить материалы дела, проверить, относится ли данная жизненная ситуация к признакам крайней необходимости. Представляется, что решение суда противоречит признакам крайней необходимости, которые дает нам законодатель. При оценке предотвращенного и причиненного вреда следует учитывать значимость интересов, которые защищались и которые были нарушены. Бесспорно, интересы, связанные с жизнью, здоровьем человека, более значимы, чем имущественные интересы. В отношении имущественных интересов должен быть применен оценочный критерий стоимости вреда предотвращенного и причиненного.

Для того чтобы избежать коллизий в праве, при вынесении решений судами законодатель должен как можно тщательнее проработать нормативную базу в данной сфере. Следует четко и доступно определить и разъяснить признаки крайней необходимости, что позволит любому человеку принять верное решение в экстренной ситуации.

Ситуация	Правоохраняемые интересы 1	Правоохраняемые интересы 2
Согласно протоколу об административном правонарушении, (ФИО) в	ФИО оторвало стопу, и	Невыполнение обязанно-

<p>09 час. 40 мин. в г. Новороссийске, употребил алкогольные напитки после дорожно-транспортного происшествия, участником которого он являлся, т. е. совершил правонарушение, ответственность за которое предусмотрена ч .3 ст. 12.27 КоАП РФ</p>	<p>выпитый алкоголь был принят для сохранения жизни</p>	<p>стей в связи с дорожно-транспортным происшествием</p>
<p>Ефимов вместе со знакомым (ФИО) собирали в тайге ягоды и по случаю дня рождения Ефимова употребляли спиртное. Вечером (ФИО) стало плохо, он стал терять сознание. Испугавшись за его жизнь и здоровье, Ефимов принял решение везти (ФИО) в больницу</p>	<p>Угроза жизни и здоровью человека</p>	<p>Управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения</p>
<p>Согласно протоколу об административном правонарушении, О. В. Каратун, находясь в доме, умышленно, на почве личных неприязненных отношений, с целью причинения телесных повреждений и физической боли нанесла побои К. А. — не менее двух ударов кулаками обеих рук в область лица, не менее двух ударов кулаками в область груди, не менее двух ударов ногами по ногам. Согласно заключению эксперта судебно-медицинского исследования, у К. А. имеются побои</p>	<p>Угроза жизни и здоровью несовершеннолетней дочери</p>	<p>Угроза жизни и здоровью человека, находящегося в состоянии алкогольного опьянения</p>
<p>Управляя автомобилем, А. А. Тере-</p>	<p>Угроза жизни</p>	<p>Нарушение</p>

<p>бенин нарушил п. 8.4 Правил дорожного движения: при перестроении не уступил дорогу автомобилю под управлением В. В. Апкаева, двигавшемуся попутно без изменения направления движения, в результате чего допустил столкновение с данным автомобилем. А. А. Теревенин последовательно утверждал, что действовал в состоянии крайней необходимости, маневр-перестроение вправо совершил во избежание лобового столкновения с автомобилем (государственный регистрационный знак) под управлением А. О. Маматова, двигавшимся во встречном направлении в крайнем левом ряду полосы, предназначенной для встречного движения, который стал неожиданно пересекать дорожную разметку 1.3 и следовать прямо на его (Теребенина А. А.) транспортное средство; при этом пассажирская дверь автомобиля была открыта.</p>	<p>и здоровью, которой могли подвергнуться несколько человек</p>	<p>правил дорожного движения</p>
<p>В. Н. Грачев утверждал, что выехал на сторону дороги, предназначенную для встречного движения, чтобы избежать лобового столкновения с двигавшимся навстречу по его полосе движения автомобилем, у которого в темное время суток не горели световые приборы и габаритные огни. При этом выехать на обо-</p>	<p>Угроза жизни и здоровью</p>	<p>Нарушение правил дорожного движения</p>

чину дороги он не мог, поскольку на обочине находился столб, а за ним дерево. Предвидеть траекторию движения автомобиля, двигавшегося навстречу, он также не мог		
--	--	--

Библиографический список

[1] Хачатуров Р. Л. Крайняя необходимость в праве // Вектор науки. — 2015. — № 1. — С. 152–156.

УДК 342.4

*Федорин Виктор Павлович,
доцент кафедры конституционного,
административного и финансового права
Хабаровского государственного университета экономики и права,
кандидат юридических наук, доцент*

К вопросу о природе и необходимости поправок к Конституции Российской Федерации

Большинство исследователей связывают действующую российскую Конституцию с переходным этапом развития нашего государства и общества. В ее содержание заложены как программные положения, реализация которых даже при самом безупречном исполнении конституционных установлений не может привести к достижению поставленных целей и задач, так и правила поведения, рассчитанные на сегодняшнее повседневное осуществление механизмов власти, прав и свобод личности, а значит, воплощение в жизнь принципов конституционного, т. е. фундаментального, формата.

По мере функционирования ведущего нормативного правового акта страны накапливается опыт властвования в новых социально-экономических и политических условиях, отношений государства с гражданами и другими лицами, проживающими на территории Рос-

сийской Федерации. Опыт, который заставляет рассматривать нормы Конституции с позиции соответствия им реальных общественных отношений. Обнаружение несоответствий исследователями — учеными и практиками осмысливается под разными углами зрения, вследствие чего появляются порой прямо противоположные предложения, относящиеся к стабильности Конституции. В последние годы их количество заметно возросло, а сам их характер заставляет государственные структуры реагировать или уклоняться от реакции.

Речь идет о конкретных предложениях по внесению поправок в конституционный акт, но есть и такие, которые в порядке конституционной реформы ориентируют на принятие новой Конституции. У каждой из сторон есть своя система аргументов. Учитывая, что в такой ситуации лучшим решением может быть компромисс, или «золотая середина», лица, от которых зависит продвижение тех или иных идей по изменению текста Конституции, не торопятся обозначить свою позицию как государственную.

Суть популярных позиций сводится, с одной стороны, к необходимости сдержанного отношения к многочисленным инициативам конституционных реформ, что в полной мере согласуется с присущими конституционной традиции целями и ценностями [1], а с другой — к модернизации Конституции для создания правовой основы глубоких преобразований всех сфер жизни российского общества и государства [2].

Какому варианту довериться? Путь сдержанной корректировки основополагающего акта государства может привести к сохранению норм, тормозящих быстро развивающиеся отношения и порождающих либо их конфликтность, либо стагнацию. Выбор интенсивных изменений норм Конституции неизбежно приведет к негативным последствиям, на которые реформаторы не рассчитывали, а может быть, и не могли рассчитывать.

По своему назначению поправки к Конституции являются основным способом проведения определенной политики права в истории конституционализма. Часто они становятся результатом противоборства различных политических сил и органов государства. В России, например, такое политическое противостояние сложилось еще задолго до принятия Конституции 1993 г., и не случай-

но, что вскоре после вступления в действие ведущего правового акта государства и общества стали вноситься предложения о необходимости скорректировать отдельные конституционные положения, не лишённые пробелов или противоречивости. За годы действия Конституции это противостояние претерпело изменения. Едва ли оно приобрело более острый или нетерпимый характер, тем не менее в современных российских условиях поправки к Конституции могут играть существенную политическую роль.

В самом конце ушедшего столетия наблюдалась заметная активность депутатских формирований в Государственной Думе Федерального собрания РФ по внесению конституционных поправок, общая цель которых состояла в ограничении президентской и исполнительной властей и установлении более жесткого контроля над ними со стороны законодательной власти (частично эта цель была достигнута в конце 2008 г. внесением поправки о ежегодных отчетах правительства РФ перед нижней палатой российского парламента). В целом этот период можно рассматривать как особый этап законодательной деятельности, общей политической характеристикой которого явились рост политической нестабильности, конфликты ветвей власти и использование конституционной дискуссии в целях политической подготовки к предстоящим выборам.

Следующий этап в развитии российской государственности характеризуется более умеренным подходом к возможным изменениям конституционного текста, но продолжающимся противостоянием партийных фракций. В дискуссию о необходимости внесения поправок в Конституцию РФ включились и ученые, в том числе конституционалисты, которые с разной степенью радикальности, обобщения и конкретики предлагают усовершенствовать текст главного нормативного акта страны.

Когда же поправки к Конституции становятся необходимыми? Известно, что неизменность рассматриваемого акта обеспечивается в случаях возникающей неопределенности путем толкования конституционных норм единственным органом государственной власти, наделенным этим полномочием, — Конституционным Судом РФ. Именно посредством уяснения смысла нормы и последующего разъяснения всем заинтересованным правоприменителям

создаются условия для реализации конституционных предписаний, а значит, и для обеспечения стабильности самой Конституции, ее базовых принципов, целей, ценностей, институтов и процедур. Этот механизм конституционного контроля, направленный на верховенство и прямое действие Конституции, имеет исключительно важное значение для сохранения единого конституционного пространства. Но Конституционный Суд не всемогущ. Он может только то, ради чего создан. Зазоры, возникающие между конституционными установлениями и развивающимися общественными отношениями, суд ни по собственной инициативе, ни по запросу компетентных субъектов устранить не вправе. В дело вступают другие способы, направленные на эффективное действие конституционных норм: изменение текста Конституции. Для российской Конституции предусмотрены четыре способа такого изменения: пересмотр гл. 1, 2 и 9 Конституции, означающий по существу принятие нового конституционного акта; внесение поправок в гл. 3–8; внесение изменений в ст. 65, касающихся наименования субъектов Российской Федерации, и внесение изменений в ст. 65 в связи с изменением конституционно-правового статуса субъекта Федерации.

Действующий порядок внесения поправок в российскую Конституцию зафиксирован в общем виде в гл. 9 Конституции и конкретизирован в федеральном законе «О порядке принятия и внесения поправок в Конституцию Российской Федерации» от 4 марта 1998 г. Тот факт, что Конституционный Суд своим постановлением признал особую правовую природу закона о поправках к Конституции России, не являющегося ни федеральным конституционным законом, ни обычным федеральным законодательным актом, означает пусть временную (до инкорпорирования в Конституцию), но по существу такую же юридическую силу, что и юридическая сила самой Конституции (хотя при параллельном действии Конституции и закона о поправках к ней высшая юридическая сила первой обеспечивается автоматически).

Учитывая, что по своему объему (содержательному наполнению) российская Конституция относится к разряду развернутых, а значит, имеющих больше возможностей для периодических изменений, вплоть до крупномасштабных преобразований, ее стабиль-

ность может испытываться на прочность чаще, чем стабильность неразвернутой Конституции (например, США).

Вопрос о необходимости внесения поправки в Конституцию может быть следствием объективного развития общественных отношений, когда логичным будет отражение в поправке назревшей потребности, или результатом действия субъективного фактора, например акта руководящего состава государства, волевым устремлением изменить те или иные конституционные установления. Конечно, они тоже могут носить характер объективной необходимости, но не исключается и проявление субъективного подхода к решению тех или иных задач, когда положения Конституции приспособляются под конкретных лидеров, правящей политической партии и т. д. Во втором случае должен срабатывать более жесткий механизм правовой экспертизы. В рамках отлаженного демократического механизма властвования могут быть использованы законодательные барьеры для необоснованных изменений в виде поправок. В государствах, где демократия приобретает управляемый характер, такие барьеры могут оставаться невостребованными.

Вернемся к вопросу о возможных последствиях вносимых в Конституцию поправок. Как справедливо отмечает С. Д. Князев, «на этапе подготовки и принятия конституционных поправок крайне сложно в полной мере предвидеть, как они скажутся на состоянии конституционного правопорядка и не повлекут ли за собой непрогнозируемых последствий <...> Все это диктует необходимость бережного и максимально уважительного отношения к тексту Конституции, поскольку увлеченность его совершенствованием опасна уже хотя бы тем, что постепенно приучает всех к мысли, что соблюдение конституционных правил не догма; если есть желание и возможности, их вполне можно “подправить”».

Оценивая характер немногочисленных поправок, внесенных в российскую Конституцию за 24 года ее действия (два федеральных конституционных закона от 30 декабря 2008 г., федеральные конституционные законы от 5 февраля 2014 г. и от 21 июня 2014 г.), можно заключить, что их появление стало результатом развития объективных потребностей в совершенствовании системы государственного управления в России.

Другое дело — соблюдение процедуры внесения поправок. Ни в одной из названных процедур нарушений как таковых не было, но обратил на себя внимание факт ускоренного прохождения законов о поправках в Конституцию РФ в 2008 г. при рассмотрении их законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Федерации. Безусловно, сработал административный фактор, определенно снижающий показатель демократизма власти по вертикали.

Практика конституционного развития ряда государств (и в этом отношении особенно показательными являются Соединенные Штаты Америки) свидетельствует, что преобразование Конституции может происходить без внесения в нее изменений. И Российская Федерация не является исключением. По мнению М. А. Митюкова и В. В. Невинского, преобразование Конституции РФ происходит посредством полной реализации норм ее второго раздела «Заключительные и переходные положения», интенсивного развития федерального законодательства, официальной интерпретации норм Конституции в постановлениях и определениях Конституционного Суда, судебной практики, значительного правового массива субъектов Федерации [3].

О том, что действительность подтверждает эту позицию, свидетельствуют конституционные преобразования, осуществленные в России в период с 2000-го по 2010 г., которые привели к тому, что в условиях неизменности юридической конструкции формы правления произошло уточнение статуса органов государственной власти, при этом значительно усилилось положение главы государства, который еще более укрепил свое доминирующее положение в системе органов государственной власти.

Таким образом, опыт конституционного развития зарубежных стран и практика российского пути внесения поправок к правовой базе текущего законодательства дают основания к выводу о многообразных способах изменения конституционного текста, в том числе и таких, которые ведут к его корректировкам, но обеспечивают новые направления в регулировании фундаментальных общественных отношений. Этот факт заставляет с большей степенью осторожности осмысливать конкретные предложения о внесении поправок в Конституцию,

прогнозируя возможные последствия такого «вмешательства» в ее текст. Скорее всего, именно этими соображениями можно объяснить сдержанное отношение и законодателя, и правоприменителей к корректировкам Конституции РФ. Но если в основе интереса авторов предложений о конституционных поправках лежит власть, которая позволит победителю решить все остальные проблемы, то логично предположить, что период «затишья» будет непродолжительным и основополагающим фактором «конституционной активности» может послужить процесс последовательных демократических преобразований в государственной и общественной жизни современной России.

Библиографический список

[1] Князев С. Д. Стабильность Конституции, ее значение для современного российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. — 2015. — № 1.

[2] Бутусова Н. В. О модернизации российской Конституции (цель, пути осуществления) // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — № 1.

[3] Литвинова С. Ф. Оценка Конституции Российской Федерации 1993 г. через категорию «стабильность» // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — № 5. — С. 15.

УДК 347.12

*Шакурьянов Ренат Миргазиянович,
председатель коллегии
«Адвокатская контора № 1» Республики Башкортостан г. Уфа,
кандидат юридических наук*

К вопросу об услугах как объекте гражданских прав

Среди современных объектов гражданских прав важная роль отводится услугам. Так, в мировом ВВП доля услуг превышает

ет 60% и в последнее время их удельный вес постоянно увеличивается. Это означает, что сфера услуг играет большую роль в экономике любого государства.

Договоры о предоставлении услуг имеют давнюю историю. Уже римскому праву был известен договор найма услуг (*locatio — conductiooperarum*), по которому одна сторона брала на себя обязанность оказать другой стороне определенные услуги, а другая сторона брала на себя обязанность выплачивать за эти услуги обусловленное вознаграждение. В отличие от *locatio — conductiooperis*, которое имело целью предоставление подрядчиком готового результата работ, договор найма услуг имел своим предметом оказание отдельных услуг по указанию нанимателя [1, с. 189].

В начале XX в. Г. Ф. Шершеневич, разработав классификацию договоров по их целям, выделил договоры о предоставлении пользования чужими услугами. К ним он отнес личный наем, возмездное оказание услуг, перевозку, доверенность, комиссию, поклажу, товарищество [2, с. 316].

Услуги являлись предметом многих научных исследований, поэтому в литературе существует большое количество определений услуг. Однако все дефиниции можно объединить в две группы. Одни авторы считают, что услуга является определенным благом, результатом деятельности, имеющим свойства товара. Так, Е. Г. Шаблова определяет услугу как средство удовлетворения индивидуальной потребности лица, связанное с нематериальным результатом деятельности исполнителя и разрешенное действующим правопорядком, на возмездных началах [3, с. 11].

С точки зрения других ученых, услуга является определенной деятельностью, направленной на получение неовещественного результата, а следовательно, объектом правоотношений выступает не благо, а действие [4, с. 42]. Д. И. Степанов предоставляет такую характеристику услуг: это операция (ряд последовательно совершаемых действий, объединенных единой целью) или деятельность, которая характеризуется признаками неосвязаемости, сложности обособления (во времени и пространстве) и неотделимости от источника, синхронности предоставления и получения, несохраняемости, неформализованности качества [5, с. 78]. Схожую харак-

теристику услуг дает Д. В. Музюкин, определяя их как совокупность действий услугодателя, направленных на удовлетворение индивидуальной потребности услугополучателя и не связанных с созданием (улучшением) вещи или объекта интеллектуальной собственности, либо неразрывное единство таких действий и их результата [6, с. 30].

Более удачным представляется второй подход, поскольку услуга как отдельное благо не существует самостоятельно в течение более или менее длительного промежутка времени (подробнее об этом ниже).

В ст. 779 ГК РФ закреплено легальное определение договора возмездного оказания услуг, по которому исполнитель по заданию заказчика обязуется оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик — оплатить эти услуги.

Анализ услуг как объектов права позволяет выделить ряд их признаков.

Синхронность предоставления и получения. Услуга принимается в процессе ее предоставления. Услуга не может сохраняться в течение более или менее продолжительного времени, поскольку потребляется в процессе предоставления. Получатель услуги не может сохранить ее для себя в качестве объективированного результата. Например, в процессе оказания юридической консультации полученные клиентом знания не могут быть объектом гражданских прав, хотя могут быть воплощены на определенных носителях: проекте договора, искового заявления и т. д.

Д. И. Степанов отмежевывал услуги от работ посредством указания на осуществление необратимой спецификации материала. В случае если такая спецификация является обратимой или результат осуществления деятельности, составляющей объект обязательства, имеет неустойчивый вещный характер, ученый относил соответствующие действия к услугам [7, с. 32].

По мнению В. П. Мозолина, отличие услуг от работ состоит в характере получаемого результата. При выполнении работ результат имеет овеществленную форму, при совершении услуг — неовеществленную [8, с. 223].

Предоставление услуги является *необратимым* процессом, т. е. получатель услуги не может вернуть ее поставителю.

Е. В. Ким указывает на такой признак услуги, как *характер ее результата*, особенность которого, по его мнению, заключается в отсутствии меновой стоимости и возможности к обращению в качестве товара отдельно от самой услуги [9, с. 4]. По сути, ученый оперирует таким критерием разграничения работ и услуг, как отсутствие объективированного результата, но раскрывает его с другой стороны. Стоит отметить, что более правильно говорить о невозможности результата предоставления услуги участвовать в обращении в качестве объекта гражданских прав, а не только товара.

Безусловно, услуга может иметь результат. Однако в отличие от выполненных работ результат оказания услуги (если даже он имеет овеществленную форму) не может быть самостоятельным объектом гражданско-правовых отношений. Этот тезис достаточно очевиден на примере договора перевозки. Результатом перевозки является перемещение вещей в пространстве, однако такой результат нельзя отчуждать или совершить в его отношении другие граждански значимые действия. По этому поводу в литературе справедливо подчеркивается, что отсутствие отдельного результата услуги еще не означает отсутствие экономического эффекта [9, с. 9].

В этом плане стоит обратить внимание на предложение использовать понятие эффекта услуги, который можно воспринимать, в отдельных случаях наблюдать, но не получать как вещь [10, с. 16].

Для надлежащего оказания многих услуг *необходимо содействие заказчика* [11, с. 80] *или получателя услуги*. Это означает, что заказчик должен сотрудничать с исполнителем, осуществлять определенные действия, которые необходимы для предоставления услуги. Например, предоставление образовательной услуги на должном уровне невозможно, если сам студент не прилагает усилий по надлежащему обучению. В случае если получатель услуги не совершает необходимых действий, вторая сторона может приостановить предоставление услуги и ставить вопрос о просрочке кредитора.

Следующим признаком является *негарантированность результата некоторых услуг*. Такой признак свойствен, например, медицинским или правовым услугам, из чего следует, что испол-

нитель может требовать вознаграждение даже в случае отсутствия результата, если он добросовестно действовал для его достижения. Есть мнение о выделении негарантированности результата в качестве признака всех видов услуг, однако с этим согласиться нельзя: по многим услугам исполнитель должен отвечать за результат своей деятельности. Например, автомобильный перевозчик может требовать оплаты своей деятельности только в случае доставки товара в пункт назначения.

В литературе отмечен фидуциарный характер услуг, однако это присуще далеко не всем услугам. Например, страховые или финансовые услуги не имеют признаков фидуциарности.

Важное место отводится отмежеванию услуг от смежных категорий, прежде всего работ. В литературе встречаются различные точки зрения на соотношение работ и услуг. По мнению одних ученых, работы и подрядные обязательства — это более широкое понятие услуг. Другие исследователи, напротив, настаивали, что работы являются разновидностью услуг. На сегодняшний день в научной доктрине доминирует позиция разграничения работ и услуг, и с таким видением следует согласиться.

В свое время М. И. Брагинский высказывал возражение против резкого противопоставления понятий «услуга» и «работа». Ученый отмечал, что каждая услуга становится объектом гражданско-правового обязательства тогда, когда выражается в определенной работе, а работа — когда она принимает форму предоставления услуги. Однако такое высказывание скорее можно расценить как определение правовой природы обязательств по выполнению работ и оказанию услуг как видов гражданско-правового обязательства, а не как отрицание разграничения услуг и работ вообще.

В более поздних работах М. И. Брагинский и В. В. Витрянский выделяли четыре группы обязательств: на передачу имущества, на предоставление услуг, на выполнение работ и на учреждение различных образований. Конститутивным признаком договора на выполнение работ является наличие результата и передача его заказчику. На это указывал Ю. В. Романец [14, с. 366–367]. Например, по договору строительного подряда будет создана новая

вещь — дом. Для услуг же характерно отсутствие вне отдельного объективированного результата.

В то же время следует отметить, что критерий наличия овеществленного результата не всегда позволяет провести четкое разделение услуг и работ, поскольку в процессе предоставления ряда услуг создается овеществленный результат. Например, таковой имеет место при предоставлении медицинских услуг по протезированию или стоматологическому обслуживанию.

Так, А. Ю. Кабалкин отмечает, что категоричность, с какой главным признаком оказания услуг признается отсутствие вещественной формы, не отвечает существу упоминаемых в ГК РФ отношений. Например, результатом оказания услуг брокера, коммерческого представителя, патентного поверенного, агента, адвоката могут быть вполне овеществленные, материальные предметы (ценные бумаги, патенты, объекты недвижимости), отделимые от услугодателей и существующие в качестве самостоятельных объектов гражданских прав. Поэтому признак материальности и делимости результата от работы исполнителя, присущий как порядку, так и некоторым отношениям по оказанию услуг, не является, по мнению ученого, универсальным для отграничения этих правовых типов [15, с. 183].

Схожей позиции придерживается Т. Л. Левшина, указывающая, что в рамках одного вида услуги осуществление деятельности или действий может иметь материальный результат, а может и не иметь. Следовательно, устоявшееся представление об услугах как деятельности, не имеющей овеществленного результата, не в полной мере соответствует действующему законодательству. Т. Л. Левшина предлагает рассматривать услугу как совокупность деятельности и результата, которому предшествует совершение действий, не имеющих материального воплощения и составляющих вместе с ним единое целое. Поэтому при оказании услуги «продается» не сам результат, а действия, к нему приведшие [16, с. 218].

При характеристике услуг часто подчеркивается роль деятельности, поскольку она является не просто предпосылкой результата (как в работах), а в ее осуществлении и состоит собственно исполнение обязательства [17, с. 204–208]. Однако такое понима-

ние представляется слишком упрощенным, поскольку в значительном количестве обязательств по оказанию услуг заказчика интересует именно результат. Например, в обязательстве по перевозке на первом месте стоит результат: доставка товара до пункта назначения. Однако этот результат не имеет овеществленного характера.

Безусловно, наука не стоит на месте, и в современной литературе выдвигаются предложения модифицировать критерий разграничения услуг и работ. Так, А. В. Трофименко предложил разграничивать работы и услуги в зависимости от преобразования должником при исполнении обязательства формы или содержания материального или нематериального объекта. По мнению ученого, при выполнении работ материальный или нематериальный объект или создается, или уничтожается, или превращается, а при предоставлении услуг он перемещается в пространстве или во времени либо изменяется форма указанного нового объекта и при этом не затрагивается его содержание [18].

Достаточно неординарными представляются взгляды Е. А. Пучкова, относящего к договорам о предоставлении услуг такие договоры, по которым создаваемый материальный результат используется в личных целях. Ученый подчеркивает, что личное использование, как правило, не связано с предпринимательской деятельностью [19, с. 9]. С таким безосновательным ограничением сферы услуг только удовлетворением личных потребностей согласиться нельзя, поскольку по предложенной ученым классификации договор повзгонной перевозки следует относить к договорам на выполнение работ, поскольку такая перевозка не осуществляется в личных целях. Вряд ли такой подход является в достаточной мере оправданным.

Ю. В. Романец отмечает, что в процессе выполнения работы может создаваться экономический результат, отделимый от работы. Наряду с этим существуют правоотношения, имеющие своим предметом труд как таковой, лишенный отделенного от него результата, и в таком случае имеют место услуги [20, с. 131].

Подводя итог проанализированным взглядам, отметим ряд моментов.

Во-первых, они являются скорее не взаимоисключающими, а взаимодополняющими.

Во-вторых, на сегодняшний день необходимость выделения отдельно договоров на выполнение работ и оказание услуг не вызывает сомнений в кругу юристов.

Таким образом, услуги являются одним из важнейших объектов гражданских прав, которым присущи собственные признаки, позволяющие отграничить их от смежных категорий, в частности от работ.

Библиографический список

- [1] Новицкий И. Б. Римское право. — М., 1993.
- [2] Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). — М., 1995.
- [3] Шаблова Е. Г. Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг: дис. <...> доктора юр. наук. — Екатеринбург, 2003.
- [4] Шешенин В. Д. Классификация гражданско-правовых обязательств по оказанию услуг // Гражданское право и сфера обслуживания. — Свердловск, 1984.
- [5] Степанов Д. И. Услуги как объект гражданских прав: автореф. дис. <...> канд. юр. наук. — М., 2004.
- [6] Музюкин Д. В. Правовое обеспечение рынка юридических услуг: автореф. дис. <...> канд. юр. наук. — Томск, 2007.
- [7] Степанов Д. И. Услуги как объект гражданских прав: автореф. дис. <...> канд. юр. наук. — М., 2004.
- [8] Гражданский кодекс Российской Федерации: научн.-практ. коммент. / отв. ред. Т. Е. Абова [и др.]. — Ч. 1. — М., 1996.
- [9] Ким Е. В. Вопросы общего учения об обязательствах по оказанию услуг: автореф. дис. <...> канд. юр. наук. — СПб., 2007.
- [10] Степанов, Д. Услуги как объект гражданских прав // Российская юстиция. — 2000. — № 2.
- [11] Шаблова Е. Г. Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг: дис. <...> доктора юр. наук. — Екатеринбург, 2003.
- [12] Отдельные виды обязательств / под ред. К. А. Граве, И. Б. Новицкого. — М., 1954. — С. 143.

[13] Брагинский М. И. Общее учение о хозяйственных договорах. — Минск, 1967.

[14] Романец Ю. В. Система договоров в гражданском праве России: дис. <...> д-ра юр. наук. — М., 2001.

[15] Кабалкин А. Ю. Возмездное оказание услуг // Гражданское право: учебник / под ред. А. Г. Калпина. — М., 2000. — Ч. 2.

[16] Павлодский Е. А., Левшина Т. Л. Договоры в предпринимательской деятельности. — М.: Статут, 2008.

[17] Щуновская О. М. О соотношении обязательств по оказанию услуг и обязательств по выполнению работ (подряда) // Правоведение. — 2002. — № 2 (241).

[18] Трофименко А. В. Проблемы теории нематериальных объектов (гражданско-правовой аспект): автореф. дис. <...> д-ра юр. наук. — Саратов, 2004.

[19] Пучков Е. А. Правовое регулирование договора возмездного оказания услуг: автореф. дис. <...> канд. юр. наук. — М., 2006.

[20] Романец К. В. Система договоров в гражданском праве России: дис. <...> д-ра юр. наук. — М., 2001.

УДК 343.35

*Трофимов Егор Викторович,
заместитель директора по научной работе,
заведующий кафедрой административного и финансового права
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России),
доктор юридических наук, доцент*

**Эффективность правового (антикоррупционного)
просвещения целевой аудитории в контексте
формирования нетерпимости к коррупции**

В ст. 6 Федерального закона «О противодействии коррупции» прямо закреплено, что первой мерой профилактики корруп-

ции является формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению. Таким образом, российский законодатель прямо призывает к формированию нетолерантной среды в отношении актов коррупции и других ее проявлений. Одним из важнейших средств создания обстановки нетерпимости к коррупции признается антикоррупционное просвещение, которое выступает составной частью правового просвещения, поскольку правовое просвещение является одной из форм профилактического воздействия в целях противодействия коррупции, выявления и устранения причин и условий ее возникновения (п. 12 ч. 1 и п. 8 ч. 2 ст. 6, п. 1 ч. 1 ст. 17 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»). Например, на официальном сайте Минюста России антикоррупционным вопросам посвящено более трети всех материалов по правовому просвещению.

Социолого-правовое исследование, проведенное в 2017 г. в Санкт-Петербургском институте (филиале) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) [4], свидетельствует о том, что на антикоррупционное просвещение не следует возлагать неоправданно большие ожидания в деле формирования у населения нетерпимости к коррупции. Как и любая мера воздействия, антикоррупционное просвещение имеет свою сферу применимости, за пределами которой оно резко теряет в эффективности.

Исследование различий в суждениях и оценках профессиональных юристов с высоким уровнем юридической грамотности и большим практическим опытом (в данном качестве выступали преподаватели юридических дисциплин, из которых свыше 90% имеет более чем 10-летний опыт юридической практики) и студентов-юристов бакалавриата и специалитета очной формы обучения, часть которых прослушала специальную антикоррупционную лекцию, а другая часть — нет, позволило не только выявить различия в уровнях и характере толерантности к различным коррупционным проявлениям, но и дифференцировать результаты анкетирования (различия в восприятии коррупции) применительно к трем целевым группам и на этой основе — оценить эффекты

антикоррупционного просвещения. При этом предполагалось, что антикоррупционное просвещение направлено на усвоение гражданами определенных знаний, а не на выработку умений и навыков (приобретение антикоррупционного опыта).

Респондентам предлагались одинаковые вопросы (единая по содержанию анкета), которые позволяли выявить различия в широте восприятия негативных социальных явлений как коррупционных по своей природе, в уровнях абстрактной нетолерантности к коррупции, в восприятии допустимости обхода буквы закона для устранения несовершенства антикоррупционного законодательства, в распространенности мнения о допустимости оправдания коррупции в частных случаях (при определенных личных и социальных обстоятельствах), сформулированных абстрактно, в природе антикоррупционной мотивации, в уровнях конкретной нетолерантности к коррупции. Основной ракурс исследования состоял в обнаружении закономерностей, в соответствии с которыми изменяются суждения и оценки антикоррупционного характера. При этом указанная динамика суждений и оценок привязывалась к группам респондентов, соотнесенных с уровнями профессиональной осведомленности и опытности.

В результате исследования были сделаны следующие выводы.

Во-первых, антикоррупционное просвещение не изменяет традиционных (общераспространенных) представлений о коррупционной или некоррупционной природе социальных явлений. Для изменения таких суждений и для восприятия определенных социальных действий как коррупционных необходимы высокий уровень профессиональных юридических знаний и опыт практической юридической работы. Этот результат исследования подтверждает мнение, что главная трудность в понимании коррупции состоит в том, что коррупционное действие трудно идентифицируемо, поскольку имеет, в основном, скрытый характер [3, с. 53]. Поэтому необоснованно ожидать от правового (антикоррупционного) просвещения, что оно расширит традиционное восприятие негативных социальных явлений как коррупционных.

Во-вторых, антикоррупционное просвещение не влияет:

на уровень абстрактной (выше 80%) и конкретной (около 35%) нетолерантности к коррупции (под абстрактной нетолерантностью к коррупции понимается общее негативное отношение к коррупции, проявляемое безотносительно к конкретным жизненным ситуациям, в которых находится или может оказаться респондент, а под конкретной нетолерантностью — негативное отношение к конкретным проявлениям коррупции, с которыми респондент реально сталкивается (может столкнуться) в повседневной жизни, а в целом такое различие видов нетерпимости к коррупции вызвано тем, что, как известно, оценка людьми явления коррупции конкретна и зависит от ситуации [2, с. 183]);

на общее отношение (кстати, довольно сдержанное — около 30%) к допустимости использования властями различных способов обхода буквы закона (т.е. широкой правоприменительной дискреции) в целях повышения эффективности и справедливости эффективной борьбы с коррупцией;

на убежденность в недопустимости оправдания коррупции вообще (абсолютная нетерпимость к коррупции — почти 20%) и недопустимости оправдания коррупции в трудных жизненных ситуациях, если эти ситуации сформулированы абстрактно, в виде предполагаемых частных исключений из общих правил (ситуативная нетерпимость к коррупции — около 66%).

В-третьих, антикоррупционное просвещение неизменно изменяло уровень нетерпимости к коррупции в отдельных суждениях и оценках. Причем такое изменение наблюдалось и в абстрактных суждениях (оценках), и в субъективно окрашенных суждениях (оценках) применительно к конкретным жизненным ситуациям, а также в отношении отдельных вариантов обхода буквы закона властями при преследовании за коррупцию в условиях несовершенного законодательства. Однако указанные изменения в уровне нетолерантности к коррупции в одних вопросах компенсировались противоположной динамикой применительно к другим вопросам. Это дает основания полагать, что с приобретением юридических знаний и опыта (даже при эпизодических мероприятиях антикоррупционного просвещения) респонденты корректировали свои представле-

ния о социально-правовой реальности в рамках наличествующего уровня нетерпимости к коррупции.

В-четвертых, антикоррупционное просвещение не способно сформировать у граждан внутреннюю антикоррупционную убежденность, ни ситуативную антикоррупционную мотивацию (боязнь юридической или социальной ответственности).

Поскольку правовое просвещение в целом — это процесс распространения правовых знаний [1, с. 17], то, будучи его частью, антикоррупционное просвещение наиболее эффективно в деле приобретения гражданами адекватных знаний о широте границ коррупционной активности [5, с. 89], и было бы неоправданно возлагать на данный вид профилактического воздействия большие ожидания, выходящие за рамки компоненты знаний. Например, нельзя надеяться на то, что антикоррупционное просвещение может сформировать у граждан антикоррупционные мотивации и тем более установки, поскольку в сферу его воздействия включен прежде всего интеллектуальный момент и оно слабо распространяется на эмоционально-волевою сферу.

С учетом сказанного стоит отметить, что профессиональный отбор по критерию сформированности внутренней антикоррупционной убежденности (абстрактной и абсолютной нетерпимости к коррупции) имеет смысл только при необходимости допуска претендентов к юридической и антикоррупционной деятельности.

Библиографический список

[1] Атагимова, Э. И. Правовое просвещение и предупреждение молодежной преступности [Текст] / Э. И. Атагимова // Мониторинг правоприменения. — 2015. — № 4 (17). — С. 16–22.

[2] Кожушко, А. С. Коррупция: социально-культурный и исторический контекст [Текст] / А. С. Кожушко // Общество. Среда. Развитие. — 2011. — № 4. — С. 183–186.

[3] Макарова, М. Н. Коррупция как предмет социологического анализа [Текст] / М. Н. Макарова, Р. В. Вахрушев // Вестник Удмуртского университета. — 2012. — Вып. 3. — С. 53–59.

[4] Трофимов, Е. В. Социолого-правовое исследование толерантности к коррупции в ее связи с несовершенством законодательства [Текст] : монография / Е. В. Трофимов. — СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2017. — 56 с.

[5] Черепанова, Е. В. Правовые аспекты предупреждения коррупционных правонарушений [Текст] / Е. В. Черепанова // Журнал российского права. — 2015. — № 10. — С. 86–92.

**Современные тенденции развития частного права,
исполнительного производства и способов
юридической защиты**

*Материалы III всероссийской научно-практической конференции
1 декабря 2017 года*

Подписано в печать 20.02.2018. Формат 60×84/16. Печ. л. 9. Тираж 60 экз.
Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России).
199178, Санкт-Петербург, 10-я линия В.О., д. 19, лит. А.

Отпечатано в редакционно-издательском отделе (РИО)
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России).